

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

С. Н. Грошев

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ
В ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Учебное пособие

Иркутск
Восточно-Сибирский институт МВД России
2022

УДК 340
ББК 67.3 (2Р)
Г 89

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Рецензенты:
канд. юрид. наук, доцент К. С. Нежинская;
канд. юрид. наук, доцент А. И. Казамиров.

Грошев, Сергей Николаевич.

Г 89 Правовое положение мужской гендерной группы в праве
Древней Руси: учеб. пособие / С. Н. Грошев. – Иркутск:
Восточно-Сибирский институт МВД России. – 64 с.

Актуальность представленного учебного пособия заключается в том, что изучение правового статуса личности в Древней Руси составляет важную часть истории государства и права России. Изучение данного вопроса обладает важным теоретическим и практическим значением в рамках решения проблемы дискриминации по гендерному признаку. Исследование содержания и направленности эволюции правового статуса личности не только существенно расширяет объем наших исторических знаний, но и позволяет осмыслить опыт прошлого, учесть его в современной практике.

Учебное пособие предназначено для курсантов, слушателей, адъюнктов научно-педагогического состава образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 340
ББК 67.3 (2Р)

© Грошев С.Н., 2022.
© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ	
НА ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ	
1.1. Влияние христианизации на правосознание	
древнерусского общества.....	6
1.2. Детерминанты социокультурной среды	
Древнерусского государства через призму гендерных отношений.....	20
ГЛАВА 2. ДРЕВНЕРУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ И СВЕТСКОЕ ПРАВО	
В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА ЛИЦ МУЖСКОЙ	
ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ	
2.1. Вселенское каноническое право и церковное право	
Древнерусского государства	
в аспекте правового положения мужчин	38
2.2. Специфика правового статуса мужчин	
в Древнерусском государстве	47
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	58

ПРЕДИСЛОВИЕ

Правовое регулирование, затрагивающее правовой статус лиц мужского пола, – достаточно неизученное явление в связи с тем, что ни в исторической ретроспективе, ни в современной правовой реальности законодатель не склонен разграничивать правовую регуляцию в нормативных предписаниях в зависимости от гендерного статуса субъекта правоотношений. Безусловно, обычаи делового оборота нередко предписывают жесткие поведенческие клише гендерным группам, однако различия правового статуса гендерных групп выступают явлением внеправовым и укорененным, скорее, в осознании полярной физиологии и степени развития культурных традиций того или иного социума, за исключением некоторых частных аспектов жизнедеятельности общества и государства.

В древнейшие периоды истории отечественного государства и права субъект правотворчества часто смешивал права и обязанности человека с правами и обязанностями мужчин, прежде всего по причине физиологических особенностей женщин, устранивая их как равноправных субъектов правоотношений из некоторых специфических сфер общественной жизни. В современный же период российский законодатель, провозгласив гендерное равенство, регулирует общественные отношения в основном без учета гендерных характеристик субъекта либо отдает предпочтения женщинам в виде правовых преференций в тех сферах, где возможны дискриминационные тенденции в отношении женской гендерной группы, в связи с физиологическими и психофизическими особенностями женского организма. В частности, таким свойством обладают пенсионные правоотношения, сфера военной службы по призыву и ряд других отраслей. На уровне отечественного правоприменения также можно наблюдать значительный гендерный дисбаланс, когда права женщин защищаются значительно активней как государством, так и гражданским обществом. Такие тенденции проявляются прежде всего в брачно-семейных и трудовых правоотношениях.

При возникновении дискуссии о генезисе правового статуса мужчин особый интерес вызывает правовое регулирование некоторых общественных отношений в Древней Руси. Актуальность указанной проблематики

тесно соотносится с особенностями сложившейся системы правовой регуляции в указанный период отечественной истории.

В научной среде достаточно распространено мнение о том, что, если в архаический период правового развития женщина была дискриминирована по признаку пола, то и аспект прав и обязанностей мужчин исследовать считается излишним, т. к. правовое положение мужской гендерной группы прямо коррелируется с правовым статусом личности.

Однако, думается, уже в древнейший период существования отечественного права и государства правовой статус мужчин не являлся тождественным правовому положению личности, т. к. правовая регуляция в Древней Руси уже тогда четко разграничивала два субъекта правоотношений – мужчину и женщину, наделяя их правовой статус различным объемом прав и обязанностей. При этом в некоторых гражданско-правовых вопросах женщина обладала даже некоторым приоритетом перед мужчиной. Указанная разница правового положения гендерных групп в древнейший период истории России проявлялась прежде всего в политико-правовой области и в некоторых нюансах брачно-семейных отношений, параллельно с некоторыми отличиями в уголовно-исполнительной сфере.

Изучение историко-правовой и юридической литературы позволяет утверждать, что при анализе правового статуса личности взгляд ученых направлен преимущественно в общее русло анализа правового положения женской гендерной группы. В том же направлении работают и те ученые, которые разрабатывают механизм предотвращения дискриминации женщин. В связи с этим анализ научных работ демонстрирует, что на сегодняшний день в России имеет место недостаток учебного материала в сфере проблематики правового положения мужской гендерной группы, в том числе в русле исторической ретроспективы. Данное учебное пособие призвано устраниТЬ пробел в рамках обозначенной проблематики.

ГЛАВА I.

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ РУСИ И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ

1.1. Влияние христианизации на правосознание древнерусского общества

Правосознание выступает важнейшей правовой категорией юридической науки, так как является тем инструментарием, который функционирует в идейных, мировоззренческих, эмоциональных и традиционалистских рамках, выражая отношение социума к государственно-правовым явлениям, существующим, историческим или моделируемым в аспекте еще не наступивших событий.

Характерным свойством правового сознания выступают следующие позиции:

- правосознание не что иное, как одно из внешних выражений общественного сознания;
- в правовом сознании находят свое отражение сугубо те явления, которые входят в структуру правового бытия в аспекте жизнедеятельности социума;
- элементы правосознания закрепляются в сознании различных субъектов правоотношений;
- осмысление юридических институтов, фигурирующих в процессе осуществления жизнедеятельности общества, проявляются через призму осознания специфических правовых дефиниций, таких как преступление и наказание, ответственность и долг, права и обязанности и др., а это невозможно без определенного уровня правосознания;
- правосознание в некоторых исторических периодах развития отечественного государства и права выступало в качестве формы права;
- правовое сознание существует в рамках процесса юридической ориентации субъектов правоотношений в различных, часто кризисных, социально-правовых условиях.

Структуру правосознания составляют интеллектуальные, эмоциональные и поведенческие элементы, которые обеспечивают взаиморасположение и взаимную связь указанных компонентов, формируя концептуальную целостность правового сознания. Теоретико-исторические правовые науки традиционно выделяют следующие элементы, формирующие структуру правосознания:

- правовая идеология, как определенная мировоззренческая категория, система основополагающих начал и понятийного аппарата, теоретически оформляющая юридические явления социальной жизни;

- правовая психология в виде разнообразного комплекса эмоций, которые выражает человек в отношении к правовым явлениям, имеющим место в жизни социума;

- поведенческие паттерны, которые выражаются в разнообразных привычках, установках, клише, телесогласности аспектов поведения физического лица и коллектива.

В целом правовое сознание населения, как в современный период, так и во времена Древнерусского государства выступало необходимым условием осуществления правотворческой деятельности, а также фактором, способствующим формированию профессиональной правовой культуры должностных лиц и простых обывателей. Кроме того, без развитого правосознания невозможно полное и точное соблюдение норм права, следовательно, и обеспечение режима законности иенной упорядоченности общественных отношений. В то же время правосознание выступает тем механизмом, который обеспечивает реализацию правовых норм, наравне с правоприменительным и иным инструментарием, находящимся в ведении государственных органов.

В целях достоверного получения необходимых знаний о трансформации правосознания населения Древней Руси в период христианизации, по нашему мнению, применим не только метод историзма, но и инструментарий, который содержит в себе метод фундаментального анализа, помогающий выявить качественные характеристики системы социокультурных и политико-правовых связей между языческими и христианскими моделями поведения. Кроме того, с помощью указанного метода можно выявить качественный дрейф правового сознания в процессе христианизации древнерусского социума в пределах определенной цикличности, характеризуемой широким спектром языческих знаний, которые были заимствованы или уничтожены христианской религией. О тенденциях существенной рецепции языческих поведенческих паттернов и правовых регуляторов свидетельствуют различные факторы. Так, некоторые дохристианские категории выступили фундаментом древней христианской теологической литературы, представителями которой в аспекте христианизации выступили такие богословы, как Евсевий Памфил, Иоанн Златоуст и др. Древние, еще языческие конструкции были реализованы в деятельности и имели место в правосознании известных правителей Древней Руси – Владимира Святого, Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха. Кроме того, дохристианские понятия нашли свое отражение в различных документах правового, религиозного и политического характера. Все это демонстрирует процесс того, что новая христианская религия, которая в Древнерусском государстве обладала политическим свойством, приобретала господствующий характер и, как и родноверие, получила статус государственной религии.

Указанная тенденция подтверждается еще и тем, что при заключении русско-византийских соглашений 907, 911, 941, 944 гг. Олег и Игорь

оформляли свои клятвы, ссылаясь на языческих богов, а при заключении договора 946 г., когда состав послов характеризовался религиозным плюрализмом, клятвы осуществлялись с привлечением как языческой, так и христианской религии. Опираясь на указанные факты, Д. Я. Самоквасов отстаивал концепцию равнозначности языческой и христианской религии в политико-правовом поле в эпоху русско-византийских договоров. Их равноправие ученый обосновывал методологической идентичностью языческой троицы: Бога Творца, Перуна и Волоса и христианской Святой Троицей.

Ведя речь о русско-византийских соглашениях, необходимо отметить, что договоры Руси с греками выступали в образе первых писаных источников права, затрагивающих гендерные аспекты правовой регуляции в Древнерусском государстве. Так, договор Руси с Византией 907 г., не содержал норм, прямо регулирующих правовое положение мужчин, однако контекст указанного соглашения демонстрировал определенные свойства купеческого ремесла, как сугубо мужского занятия. На это указывали такие факторы, как традиционная вооруженность купцов, инициированная опасностью купеческого дела, а также естественная дискриминированность женской гендерной группы в аспекте занятия купеческим бизнесом в Древней Руси.

В свою очередь, анализируя договор 911 г., можно отметить, что в данном соглашении регламентировалось и закреплялось мирное сосуществование двух стран, при наличии нормирования следующих важнейших юридических позиций:

- процедуры выкупа военнопленных;
- уголовной ответственности русских купцов на территории Византии;
- уголовного судопроизводства, в котором принимали участие русские маркитанты;
- порядка наследования имущества, когда в качестве выгодоприобретателя выступали русские купцы;
- гуманистических тенденций в сфере берегового права.

Стоит отметить, что соглашение 911 г. прямо не регулирует правовой статус мужчин. Однако гендерная спецификация правового регулирования здесь выражается в принципе доминирования мужчин в сфере политики, так как заключался указанный договор сугубо представителями мужской гендерной группы.

Следующий греко-русский договор от 944 г. внес определенные новации в правовое регулирование, которое утвердились после 911 года. Что характерно, «подписанты» указанного соглашения выступили не только мужчины, но и женщины. Такие тенденции наглядно демонстрируют то, что в период 911–944 гг. произошли качественные изменения правового регулирования и, что важно, правосознания населения Древней Руси,

в аспекте существенного смещения в сторону гендерного равноправия и упадка патриархальности в сфере взаимоотношения полов. Подобное направление развития не преминуло показать себя и в области гражданско-правовых отношений, когда знатные женщины имели возможность и реализовывали свое право обладать дорогостоящим движимым и недвижимым имуществом. Кроме того, договор от 944 г. закреплял право женщины на имущественный выдел из общей массы совместно с супругом нажитого имущества, в случае, когда ее муж подвергался уголовному преследованию, и ему грозила материальная ответственность.

Основным признаком существовавшего взаимопроникновения язычества и христианства выступает тот факт, что языческая идеология и дефинитивный аппарат наличествует в Священном Писании. Мало того, некоторые языческие категории фигурируют там без существенной трансформации, другие же имеют место в преобразованном виде. В частности, концепция векторного развития в христианском учении сосуществует с языческой идеей цикличности.

Как известно, в структуру Библии входит книга Екклесиаста, который, по мнению А. Меня, «принял главную идею языческой метафизики о циклическом движении Вселенной». Екклесиаст говорит: «Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было».

По своей юридической природе такая тенденция сохраняла прежние патриархальные принципы в сфере гендерной спецификации правового регулирования, оформляя консервативный уклон как брачно-семейных, так и политico-правовых связей в сфере взаимоотношения полов. Тем не менее, модернизм христианства, выражавшийся в его демократической сущности, не мог оставить большую часть правоотношений в неизменном виде.

Стоит отметить, что Священное Писание консервировало языческое понимание Бога Творца, которое представляло в образе высшего синтеза субстанционального, нравственного, социального и иного отношения к земному существованию. Мало того, указанная идея была дополнена сверх дефиницией Бога и концептуально расширена идеологией доминирования религии над светскими правоотношениями. В качестве важнейших заимствований христианства использовались идеи долга, ряд правовых дефиниций, таких как нравственная чистота, совесть и прочий языческий инструментарий. По-новому осмыслияется и трансформируется идея наличия трансцендентного в процессе оказания помощи людям. Преобразованная концепция отдаляет Бога не только от человека, но и всей земной реальности, которая начинает пониматься только через призму взаимоотношений Творца и твари. Сам же инициатор всего сущего начинает выступать в образе сверхъестественной и непостижимой силы. Помощь со стороны сверхъестественных сил приобретает свойства незримости, а почитание Бога сопрягается с богообязненностью и благоговением.

Новая христианская идеология крайне четко разграничила сферу жизнедеятельности мужчин и женщин, нивелировав с одной стороны божественное начало в человеческой жизни (рождение детей, создание материальных ресурсов и пр.), но с другой – уроняв положение человека в аспекте акта творения, придав должный импульс принципу формального равенства, который четко соотносился с основополагающим началом равенства всех людей перед Богом, несколько снизив гендерные перекосы и сгладив дискриминационные тенденции, которые имели место в брачно-семейных отношениях и политической сфере.

В исследуемый период Древняя Русь, как место обитания, характеризовалась рядом специфических признаков, среди которых важную роль играли климатические и географические факторы; внешнеполитическая нестабильность, которая выражалась в постоянных набегах со стороны кочевых племен; внутриполитические кризисы, выливавшиеся в княжеские междоусобицы. В связи с этим потребность физического выживания и создание условий для жизнедеятельности социума формировали концепцию трансцендентности земной власти, которая четко соотносилась с властью князя и полномочиями домовладыки, накладывая на зависимое население обязанность и долг подчиняться стоящим выше в иерархии. Примечательно, что в этом аспекте позиция христианской церкви в отношении принципов власти и управления была расположена в русле интересов правящего сословия и содержательно не противоречила патриархальным установкам брачно-семейных связей древнерусского социума. Можно предположить, что характерный уклон христианства в сторону четкой иерархичности правителей и подчиненных подвигло князя Владимира на выбор в пользу принятия христианской религии в качестве государственной.

В исторической и политико-правовой литературе имеет место мнение о том, что отечественное учение о понимании сущности монархии соответствует идеалу христианской государственности, которое оформлялось под влиянием Ветхого Завета и византийских традиций. Тем не менее, мало кто из авторов обращает внимание на значимость разграничения указанных влияний. Можно согласиться с мнением Е. В. Тимошиной о том, что осмысление принципиальных основ влияния христианского учения на принципы построения государственности, которое использовало византийские лекала, и антихристианские принципы устройства государства и общества, имеет огромное значение не только для исторической, но и для юридической науки. Анализ исторической и правовой литературы дает основания полагать, что правители и мыслители периода Древней Руси осознавали указанную разницу подходов к формированию государственности и основ жизни общества. Понимание идеала государственности, связи подданных и монарха, принципов общественного устройства отобразились с позиции идеи значимости дохристианской идеологии, пройдя красной нитью в философских воззрениях того периода. Кроме того, мыслители

и правители в русле идеологической и практической деятельности всеми силами пытались снизить негативное влияние христианской религии на политico-правовые и социально-экономические процессы в Древнерусском государстве.

Согласно дохристианским политико-правовым воззрениям, власть выступала не только в образе божьего дара, который легитимировал должностной или общественный статус и весь комплекс связанных с этим положением субъективных прав, но, прежде всего, власть представляла собой деятельность, призванную созидать и претворять в жизнь идею общего блага, обеспечивать должный уровень правопорядка, защищать население (монарх) или домочадцев (домовладыка) от неблагоприятных последствий, разрешать споры о праве, и, в конечном итоге, обеспечивать торжество справедливости. Все это приводило к идее понимания власти не просто как комплекса широких полномочий, но, прежде всего, как ответственности, обязанности и долга перед людьми, находящимися в подчинении. Все усилия монарха и главы семьи должны быть в первую очередь направлены на совершенствование самого себя, познание древней мудрости и смысла жизни, а также на аккумулирование опыта и транслирование знаний потомкам. В целом дохристианская традиция оформляла высокую идею правителя обуздывать личные желания ради реализации коллективного интереса.

Дохристианские взгляды на проблематику власти располагались в плоскости большей ответственности правителя за проступки, которые он совершил по незнанию, чем аналогичные действия, совершенные лицом, не облаченным властными полномочиями. В этой связи дохристианская концепция распределения прав и обязанностей между мужчинами и женщинами исходила из принципа «больше обязанностей – больше прав». Именно поэтому статус мужчины до прихода на Русь христианства обременялся существенными долженствованиями, которые шли рука об руку с возможностью творить произвол в семье, не обращая внимания на нравственные характеристики своих поступков. Такая тенденция прослеживалась в ряде обязанностей и правомочий мужской гендерной группы, в том числе в статусе домовладыки, сущности кровной мести, повышенном штрафе за убийство мужчины и пр.

Стоит отметить, что христианство воплощает в себе идею трансцендентального истока власти, через призму трансформации ее политико-правовой природы. Дохристианское осмысление проблематики власти базировалось на обосновании важной роли вселенских алгоритмов и земного мира в качестве результата акта сверхъестественного творчества, который основан на законах космоса и божественной справедливости. Согласно христианской концепции вся власть от Бога, и она носит в себе божественные качества. Кроме того, согласно указанной концепции, власть как феномен дарована людям в связи с их греховностью и требует неукоснительного повиновения. Примечательно, что в христианстве понятие греховно-

сти радикально отличается от языческой идеи греха как деликта. Так, христианство, в отличие от языческих культов, в плоскость греха транслировало репродуктивную функцию человека, различные эмоциональные состояния – веселье, счастье, гордость, смелость и пр. Все это не преминуло сказаться на выстраивании новых поведенческих алгоритмов в политико-правовой и брачно-семейной сферах, где имела место гендерная спецификация. В результате многие присущие мужчинам качества стали табуироваться, а в социокультурном аспекте мужская гендерная группа стала загоняться в рамки христианского взгляда на быт, право и политику. В то же время женские качества (скромность, целомудрие и пр.), к которым язычество относилось индифферентно, стали возвращаться христианством как поведенческий ориентир не только для женщин, но и для мужчин.

В то же время феномен власти в христианстве рассматривался как необходимый элемент механизма регулирования изначально греховного социума. Не случайно Иоанн Златоуст говорил, что «Бог, по благости своей, отдал нашу природу … начальникам, … чтобы они исправили нас от беспечности». В политико-правовой сфере Древней Руси такой подход к пониманию власти выразился в реализации принципа частичного равноправия мужчин и женщин, через возможность дарования властных полномочий некоторым знатным женщинам, которые выступали активными сторонниками христианизации. В свою очередь, брачно-семейная сфера древнерусского социума в период христианизации подверглась значительной трансформации в связи с осмыслением феномена власти как необходимости обуздывать греховную человеческую природу. Так, уходит понимание справедливости неограниченной власти отца над своими домочадцами, а мужа над женой. Власть домовладыки впредь четко соотносится с реакцией церкви на проступки подвластных домохозяину лиц, что существенным образом ограничивает степень карательного воздействия облаченных семейной властью субъектов. В частности, появляется не только феномен свободы выбора брачного партнера, но и табуирование физического насилия над подвластными членами семьи, так как считалось, что это противоречит духу христианской религии, с ее пониманием равенства всех перед Богом и его заповедями. Четкая корреляция феноменов греха и власти, необходимости властной функции в пораженном пороками обществе обеспечила реализацию невозможной в языческом социуме ситуацию, когда женщина при определенных обстоятельствах могла выступать в роли главы семьи.

Как считали древние богословы, в частности Евсевий Кесарийский, Священное Писание выступало тем инструментарием, который связывал Бога и земной мир, погрязший в грехе и пороке. В этом аспекте правовая природа власти, выраженная в субъективном праве повелевать, четко коррелировала с обязанностью подвластных субъектов неукоснительно

повиноваться наделенным властью лицам. Думается, что лапидарный тезис апостола Павла лучше всего выражает христианское понимание власти, которая по умолчанию исходит от Бога: «всякая душа да будет покорна высшим властям».

Примечательно, что в христианской политico-правовой доктрине активно использовалась рецепция таких языческих категорий, как законное и праведное правление, в качестве которого подразумевалось соблюдение божественных предписаний, иерархически стоящие выше земных законов. Указанная тенденция нашла свое отражение во взглядах мыслителей и правителей не только периода Древней Руси, но и в последующие эпохи развития отечественного права и государства. Так, на этапе формирования Русского централизованного государства возникает идея православного христианского государства, которое не похоже ни на Древний Рим, ни на Византию. Святая Русь, по мнению монаха Филофея, должна выступить в образе не столько экономически и политически мощного государства, сколько стать средоточием духовной силы, истоки которой расположены в праведном и справедливом правлении. Монарх, в концепции Филофея, выступает не только главой государства, но и паладином Святой Руси, ее духовного фундамента и цивилизационной идентичности. При этом мыслитель связывал сохранение веры с бытием самой государственности. В свою очередь, нестяжатели на первое место в духовной жизни ставят праведность, параллельно критикуя церковные институты за отказ от пути материальных ограничений, а правителей за подверженность человеческим страстям и порокам, равно как и нежеланием управлять в соответствии с божескими заповедями. Что же касается Ивана Грозного, то он полагал, что сама сущность самодержавия зиждется на божественном происхождении царской власти, что порождает обязанность монарха соблюдать религиозные заповеди и традиции предков. Именно это, по его мнению, придает самодержавию должную легитимность.

В аспекте построения гендерной парадигмы социальных взаимоотношений указанные позиции, затрагивающие правовую природу власти, накладывали определенный отпечаток на правовой статус мужчин. Так, духовно-нравственное влияние христианства на парадигму взаимодействия мужчин и женщин транслировало сдерживание произвола в отношении женщины со стороны мужа и отца, так как с постепенным приобретением христианской церковью необходимого политического веса клерикальные институты видели свою социальную опору именно в женщинах. Тенденции доминирования религиозного контекста в социальной жизни в некоторой степени нивелировали возможность существования «мужских профессий» и мужских качеств статуса главы семьи.

Небезынтересно здесь и состояние христианского правосознания в плоскости существования принципа равновесия, равнозначности и общности духовного и материального, которые транслируются в бесконечности

и постоянной эволюции, смены одного состояния другим, а также имманентных пантеистических тенденций, через которые можно познать сущность божественного замысла. Христианство заложило в правосознание и мировоззрение программу признания вечного за духовной составляющей. В то же время за материальным миром был закреплен статус изменчивого и временного. Мир, сотворенный Богом, приобретает свойства хрупкости в плане лишения его божественных характеристик. Между творцом и творением появляется непреодолимая пропасть, а человек в христианстве лишается божественного статуса, он лишь «создан по образу и подобию Бога», не являясь таковым хотя бы отчасти.

Идея ущербности, изначальной греховности человека, его ограниченности не могла не затронуть и новые подходы к гендерной спецификации в Древней Руси, когда физиологические составляющие перестают играть важную роль в социальных связях, которые пронизываются христианскими демократическими идеями равенства всех перед Богом и первоочередной значимости единения на базе христианской общины верующих. Взаимоотношения супругов перестали находиться в сакральной плоскости неба и земли, а репродуктивная функция приобрела греховные характеристики. В то же время физиологические свойства мужчин перестают рассматриваться как бесспорный факт и право на доминирование в семейной и политической сферах, если они реализуются не в рамках христианского понимания жизни верующего во Христа человека. Идея лояльности христианской религии, беззаботное подчинение христианской церкви и публичной власти выступили лейтмотивом новой парадигмы осознания социума. На этом фоне посягательство на многие исконные мужские права, такие как многоженство, право иметь потомство на стороне, возможность творить произвол в семье, выглядит как естественный процесс демократизации социальных связей Древней Руси. С другой стороны, расширение спектра долженствований мужской гендерной группы в период начала христианизации были расположены в морально-нравственной плоскости, так как обязанности мужчин в языческом обществе первоначально понимались как право или долг. Тем не менее с укреплением вертикали власти обязанности мужчин стали обретать четкую правовую форму, выступая существенным бременем для субъекта правоотношений, сказываясь на динамике развития правового положения представителей различных социальных слоев древнерусского общества.

Стоит отметить, что аспект христианского ограничения не совпадал с языческим видением этой проблемы, так как в дохристианской Руси ограничение понималось как необходимый принцип стабильного развития социума, рекреации человека, сохранения окружающей природной среды. В целом категория ограничения в новом христианском понимании располагалась в рамках отрицания земной жизни человека. В этой связи, можно выдвинуть гипотезу о том, что именно христианское отрицание земного

бытия заложило негативное отношение к позитивному праву как таковому, поставив на вершину иерархии социальных регуляторов морально-нравственный инструментарий. По сути, отрицание земной жизни как некоторого факультативного способа существования идеологически нивелирует внешний мир и лишает индивида личной сакральности, утверждая постулат о том, что с помощью собственных сил личность не может познать трансцендентные процессы. Христианская концепция понимания материального и божественного отстаивает перманентный антагонизм Бога и сотворенного им мира, в отличие от языческих воззрений, что, в свою очередь, закладывает фундамент непрекращающегося поиска идеологических ценностей, как в социокультурном аспекте, так и в политico-правовом кластере.

В области гендерной спецификации указанная тенденция отобразилась на табуировании репродуктивной функции мужчин и женщин, поставив их в зависимость от телеологической сущности семьи и брака в русле деторождения, сделав сексуальные удовольствия греховными и непозволительными для истинного христианина. В юридическом же аспекте христианское ограничение выразилось в купировании полномочий главы семьи и лишении его многих прав, связанных с регуляцией поведения домочадцев, существенно гуманизировав этот процесс.

Специфика нового для Руси христианского мировоззрения отобразилась и на свойствах процесса познания окружающего мира и миссионерском инструментарии, которые требовали особого истолкования и опосредования самой церковью. Само толкование важнейших позиций христианского учения выражались в форме духовных и психофизических ограничений, которые сопровождались как волевыми, так и спонтанными актами, демонстрировавшими все возможности человека. Сама потребность толкования принципов христианской религии обусловливалаась природно-климатическими и культурно-историческими различиями того или иного социума. В силу такого партикуляризма сам процесс уяснения и разъяснения религиозных положений был не только возможен, но и необходим. Распространение христианского вероучения и различных способов толкования священных текстов выступило ключевым инструментарием формирования нового для Руси христианского правосознания, которое формировалось на основе прежних языческих традиционных представлений о важнейших принципах устройства социума. Сам же процесс толкования прямо коррелировался с новой культурой письма и новой славянской азбукой – кириллицей, привнесенной на Русь Кириллом и Мефодием. Сам концептуальный дискурс византийских книжников и богословов был направлен против языческой традиции, клирикального двоеверия и осуждения греховности еще наполовину языческого общества. Византийские клирикалы в качестве объекта церковной пропаганды выбирали священнослужителей и должностных лиц, которые сами выступали ведущими субъектами

идеологической работы с населением. Все это превращало религиозный дискурс в важнейший механизм миссионерской деятельности, превратившийся в важнейшую функцию государства, призванную популяризировать христианскую религию, придав ей характер истинного вероучения, параллельно обосновав ее необходимость в жизни древнерусского социума. Такой тенденции сопутствовал процесс массового перевода литературы и распространения религиозных книг, которые были представлены текстами Библии, их толкованием, принципами, сформулированными отцами церкви и киевскими клерикалами.

В этой связи «Домострой» выступил логическим продолжением христианской традиции толкования и интерпретации положений христианской религии для применения их в семейно-брачных отношениях, а также обоснования консервации патриархальных институтов, которые зародились еще в дохристианскую эпоху.

Очевидно, что работа, связанная с переводами христианских религиозных текстов, способствовала познанию населением Древнерусского государства взглядов мыслителей из других стран, дав существенный импульс образовательной сфере и общей просвещенности населения Древней Руси. Активность в книжном деле сопряжена с личностью князя Ярослава, когда он принял власть над всем государством на базе договора Киева с еще языческим Новгородом и воинственным Черниговом. Ярослав Мудрый сам «к книгам прилежа и почитая ее в нощи и во дне», «насеял книжными словесы сердца верных людей». Широкое внедрение книжной грамоты в быт древнерусского социума повлекло качественную трансформацию русской культуры. При этом «за весьма короткий в исторических масштабах отрезок времени... Русь вышла на уровень европейских стандартов». После такой масштабной государственной политики в области книжного дела правосознание древнерусского социума приобрело глобальный ориентир на европейскую стандартизацию грамотности населения, что неизменно повлекло реализацию демократических принципов правовой регуляции, в том числе в рамках гендерных отношений.

На проблематике грамотности, а также ее влиянии на гендерный аспект необходимо остановиться подробнее.

Исследователи отечественной истории единодушны во мнении о том, что принятие христианства привнесло на Русь книжное дело, а все это, в конченом счете, стало завершением формирования русского этноса в пределах единого государства. В свою очередь, проблематика приобщения женской гендерной группы в Древней Руси к чтению литературных источников тесно связана с правовым и социокультурным статусом гендерных групп.

Стоит отметить, что научная оценка правового статуса женской гендерной группы в Древнерусском государстве в работах ученых достаточно неоднозначна. Очевидно, что определенный «*minimum minimorum*»

в правовом положении женщин привнесла именно христианская религия. В этом аспекте можно согласиться С. Кайдаш, что «за Христом пошли женщины, а образ Богородицы на многие века стал для стран христианской культуры воплощенным женским идеалом». Однако отношение христианской церкви к правовому положению женщины в Древней Руси ученые рассматривают в амбивалентной плоскости. Одни исследователи полагают, что христианизация Руси существенно расширила субъективные права женской гендерной группы в общественной и политической сферах. Другие же, в частности Н. Л. Пушкирева, утверждают, что христианская религия, хоть и допускала участие женщин в политической и социальной жизни, однако в целом не поощряла общественную активность женской гендерной группы. Двойственность правового положения женщин в Древней Руси отмечали и многие дореволюционные исследователи.

Несмотря на такие противоречивые тенденции можно с полной ответственностью заявить, что в XI столетии формирование Руси как могущественного государства с высоким уровнем культуры и образованности населения прямым образом повлияло на правовой статус женщины.

В вопросе образовательного уровня женщин Древней Руси ученые расходятся во мнении, достигая высшей степени полярности в своих выводах. Все это тесно связано с проблематикой грамотности населения Древнерусского государства в целом. Тем не менее, один из ведущих отечественных исследователей Б. А. Рыбаков утверждает, что неграмотность как феномен долгое время была присущ сельской местности. Напротив, грамотность в городах была явлением обыденным, а образовательный и культурный уровень горожан был достаточно высок. Дискуссионность указанной проблематики придает еще и тот факт, что ученые не пришли к единому мнению по поводу оценочного критерия самого феномена грамотности в Древней Руси в XI–XIII столетиях. Кроме того, Е. Ф. Шмурло не столь категоричен во мнении о том, что качество просвещения в Древнерусском государстве было низким, а выбор книг был существенно ограничен, хотя в целом образовательный уровень населения страны был в тот исторический период на максимально возможном уровне. Исследователь акцентирует внимание на том, что в тонком слое древнерусской интеллигенции наблюдались положительные тенденции масштабного осмыслиения текстов, их глубокого обдумывания и концептуальной обработки.

В этой связи необходимо отметить, что в качестве представителей древнерусской интеллигенции выступали и женщины. Все это было связано с тем, что традиция женского образования пришла на Русь из Византии вместе с христианизацией. Однако затрагивала она преимущественно женщин высших сословий. Е. Лихачева, признанный специалист в истории женского образования, полагает, что феномен женской грамотности на Руси имел место с начала христианизации. Кроме того, женщины активно включались в образовательный процесс в качестве педагогов.

С. Н. Кайдаш считает, что образовательный уровень женской гендерной группы в Древнерусском государстве был достаточно высок и женщины, владевшие искусством письма и чтения, не были исключительным явлением. Кроме того, Н. Л. Пушкарева полагает, что уровень грамотности женщин в Древней Руси был для периода Средневековья достаточно высоким. Вместе с тем в выводах Н. Л. Пушкаревой имеет место методологическая неопределенность, так как исследовательский охват историка распространяется лишь на категории знатных женщин.

Если обращаться к другим исследованиям, то можно также наблюдать некоторую аналитическую размытость. Так, А. Г Глухов полагает, что образовательный уровень женщин Древнерусского государства характеризовался высоким уровнем, а их активность имела место не только в книжной сфере, но и в области просветительской деятельности. Опираясь на исследование берестяных грамот, историк делает вывод о том, что грамотность женщин, как социальный феномен, был одинаково характерен для различных слоев населения. Стоит отметить, что подобное мнение является достаточно распространенным в научной среде.

Есть и иная позиция в указанном вопросе. Так, В. В. Шалькевич, признавая наличие высокого уровня домашнего образования в некоторых семьях, акцентировал внимание на том, что высоко образованные женщины в Древней Руси не были распространенным явлением. Кроме того, историк заявляет, что женщина могла посвятить себя образованию и просвещению нередко лишь через пострижение в монахини. Б. В. Сапунов не столь категоричен в вопросе распространения грамотности в женской среде, как В. В. Шалькевич, и его выводы демонстрируют то, что грамотность женщин Древней Руси имела место, но не выступала явлением частым: «грамотными были... некоторые женщины, иногда даже простые горожанки».

Если обратиться к работам зарубежных исследователей, затрагивающих проблематику грамотности женщин Древней Руси, в частности исследования американского ученого Б. Сантклиффа, то можно увидеть, что в качестве материальных свидетельств распространения грамотности в женской гендерной группе древнерусского социума имеют место следующие вещественные доказательства: берестяные грамоты, пряслица, деловые бумаги, административная документация, печати, библиотеки и бытовые надписи. Анализ указанных позиций позволил историку сделать следующий вывод: «...можно подтвердить существование значительного уровня женского образования в Древней Руси до и после Крещения. Грамотность была, скорее всего, городским феноменом, развивавшимся в условиях, где было богатство, образование и, после 988 г., христианство. Женщины из состоятельных семей имели доступ к образованию, но это во все не значит, что они обязательно становились образованными. Пряслица

и граффити свидетельствуют также о существовании грамотных женщин и в других слоях древнерусского общества».

Практически аналогичный вывод в своих трудах отразила и А. А. Медынцева, проанализировав памятники эпиграфики X – первой половины XIII столетия: «...грамота в основном была распространена среди горожанок... грамота была привилегией и необходимостью в первую очередь для женщин княжеско-боярских кругов, затем уже духовного сословия, купечества и какой-то части ремесленников».

Тем не менее нельзя смешивать наличие грамотности в древнерусской среде и феномен начитанности населения, хотя в исторической литературе наблюдается тенденция конвергенции указанных понятий: «Судя по высокому уровню грамотности на Руси (берестяные грамоты, граффити в церквях) “почитание книжное” благодаря усилиям духовенства было распространено не только среди людей церкви, но и в широких слоях горожан». Параллельно В. М. Живов отмечает: «На Руси сложилась принципиально новая, нежели в Византии, система образования... образование носило исключительно катехический характер... Это отражалось и на составе книжности: подавляющая ее часть состоит из произведений духовной литературы... Образованность (что мы понимаем под нею применительно к Древней Руси) за пределы этого ограниченного корпуса не выходила, а элементарное образование сводилось лишь к овладению чтением, ориентированным на тот же корпус религиозных текстов. Чтение по складам и выучивание наизусть основных молитв и Псалтыри исчерпывали, видимо, содержание формального образования...».

Владевший чтением и письмом представитель древнерусского социума в быту редко пользовался религиозными текстами, если вообще к ним обращался. Мало того, обучение в Древней Руси строилось на принципах передачи знаний от грамотного к неграмотному, при том, что книга не выступала обязательным элементом педагогического процесса. В этом аспекте достаточно красноречивым выступает пример, который использовал Б. А. Рыбаков: «...на одном пряслище девушка, учившаяся грамоте, нацарилась русский алфавит, чтобы это “пособие” было всегда под рукой».

Анализ источников демонстрирует определенную тенденцию распространения уровня образования в гендерных группах Древней Руси, которая демонстрирует факт распространения грамотности преимущественно в высших слоях общества, как у женщин, так и у мужчин. Кроме того, характерным примером высокого статуса знатных женщин на Руси является Анна Ярославовна, королева Франции, которая была единственным грамотным человеком при королевском дворе. Кроме того, феномен грамотности в женской среде знатных сословий была связана с тем фактом, что именно матери учили детей, так как обучение было в основном домашним. В связи с этим исследователи отмечали, что уровень культурности и грамотности в семьях Древней Руси во многом зависел от образовательного уровня женщин, которые выступали в роли матерей и воспитательниц.

В заключение параграфа необходимо отметить, что переосмысление дохристианских знаний, а также новой христианской традиции сказалось на массовом правосознании древнерусского социума, который стал рассматривать нового христианского Бога в образе вселенской правды. Все это привело к появлению специфической разновидности христианского учения – русского православия, которое в конечном итоге стало ядром менталитета государственно-образующего народа Российского государства. В аспекте гендерных спецификаций такая тенденция повлияла на статус женской и мужской групп, когда восточная традиция была смешана с европейской, сохранив определенный паритет правового статуса гендерных групп, с некоторым преобладанием мужчин в семье и обществе, с параллельной консервацией феномена уважения к женщине и допустимости ее участия в политической жизни и общественных делах.

1.1. Детерминанты социокультурной среды Древнерусского государства через призму гендерных отношений

Древняя Русь как независимое государство сформировалась во второй половине IX столетия в виде раннефеодальной монархии, экономическую основу которой составила аграрная сфера и обслуживание торговых путей «из варяг в греки» и «из варяг в хазары». Все это обеспечило незыблемость социокультурного наследия, которое получило Древнерусское государство от скифской группы племен занимавшихся земледелием и праславянских общностей Западной и Центральной Европы.

Обширные территории Российской государства, обособленность друг от друга городов и деревень, разнонаправленность месторождений полезных ископаемых, необходимость защиты государственных границ предопределили потребность населения в сильной государственности и крепкойластной вертикали. Так, уже во времена правления Ярослава Мудрого Русь территориально не уступала Западной Европе. Мало того, агрессия в отношении Российской государства со стороны южных, восточных и западных соседей выступали явлением стабильно повторявшимся. Все это провоцировало тенденцию постоянного увеличения территории в целях укрепления государства для защиты своего суверенитета.

Такое положение дел не могло не привести к той специфической черте российского менталитета, когда, с одной стороны, человек жаждет определенной самостоятельности от публичной власти, а с другой – имеет склонность к сильной власти и мощному государству, способному отразить любую внешнюю агрессию и подавить внутреннюю смуту. Именно в этом ключе следует рассматривать либеральную квазитеорию о том, что «русские люди обладают вековой склонностью к рабству».

Такая позиция теоретиков западной либеральной доктрины достаточно просто объясняется различием восточного, европейского и русского общественного сознания. Так, если для восточной традиции государство – это прежде всего «государь», который «пропитывает собой» все социальные связи, направляя общественные процессы, а для европейской традиции на первом месте всегда стоит автономная личность и частный интерес, доминирующий над интересом коллективным, то для отечественного менталитета интересы личности и государства формируют определенную политico-правовую симфонию, когда человек понимает, что его личное благосостояние целиком и полностью зависит от мощной государственности, которая защитит его от любого внутреннего или внешнего агрессора.

В русле нашего исследования нельзя не вспомнить Н. А. Бердяева, который отмечал феномен отсутствия органического единства в отечественном историческом процессе. Великий русский философ был прав, подчеркивая то, что периоды развития Российского государства характеризуются кардинальным своеобразием, резко контрастируя с предыдущим и последующим историческими этапами, которые обладали своей особой специфичностью. В целом отечественной истории свойственна не эволюционность, а революционность, которая зиждется на коренной перестройке политico-правовых и социокультурных связей. Таких кризисных переломов можно привести достаточное количество:

- призвание варягов;
- христианизация Руси;
- нашествие монголо-татар;
- формирование Московии;
- религиозный раскол;
- правление Петра I и утверждение русского самодержавия;
- свертывание феодальных порядков (отмена крепостного права);
- Октябрьская революция 1917 г.;
- начало политических репрессий 1937 г.;
- либерализация общественных отношений в 50-е гг. XX столетия;
- крушение СССР и начало либеральных реформ;
- «Крымская весна» 2014 г. как начало процесса сбиrания исконных российских территорий;
- утверждение России как ведущего геополитического игрока 2022 г.

Все эти вехи по своей сути носили новаторский и часто разрушительный характер, формируя радикальные политico-правовые и социально-экономические последствия, среди которых можно выделить следующие позиции: нивелирование отжившей историко-культурной традиции; смена устоявшихся поведенческих клише; переосмысление исторического опыта и пр. Эти факторы, выступая концептуальным фундаментом жизнедеятельности людей, рушились вместе с надеждой на возможность эволюционного развития общества и государства.

Можно предположить, что культурная и историческая преемственность берет начало из национального самосознания, которое в результате развития хода исторического процесса сохраняет свои ключевые свойства, которые формировались столетиями. В этой связи дефиниция «менталитет» или самосознание в научном дискурсе отображает те характерные качества, которые были присущи как мужчинам, так и женщинам в конкретные исторические периоды, в частности интеллектуальные свойства их личности, чувственные переживания и мировоззренческая составляющая. Самосознание проявляло себя в различных направлениях: мифологии; понимании окружающего мира и внутренней природы человека; народном творчестве; вопросах богословия; различных концепциях; культуре; общепринятых поведенческих паттернах; политике; правовом регулировании; морали и пр. Единство и взаимообусловленность перечисленных элементов формирует неповторимый цивилизационный код народа, который отражается в том числе и на гендерной спецификации социума, на объеме прав и обязанностей мужчин и женщин, на рефлексии со стороны государства в аспекте регуляции правоотношений между гендерными группами.

Все это дает нам возможность вести речь об основополагающих регулятивных направлениях социокультурной среды Древнерусского государства – брачно-семейном праве; отрасли, регулирующей правоотношения, связанные с военной службой; регуляции религиозной составляющей.

Анализируя брачно-семейное регулирование Древней Руси в эпоху христианизации, гендерная спецификация в рамках института семьи опиралась на нормы религиозного права и морали. Кроме того, в качестве фундамента религиозного учения семья рассматривалась через призму священности брачного союза.

В этом аспекте внедрение морально-нравственных принципов в брачно-семейные связи осуществлялось посредством церковного нормирования жизни супружества. Обоснование подобной регуляции подкреплялось религиозной трактовкой незыблемости принципа супружеской верности, не зависимо от морально-нравственного статуса супруга. В подобном подходе имел место определенный концептуальный дуализм, когда представители клерикальных кругов с одной стороны отстаивали идею тщетности земной жизни и бренности человеческого бытия, а с другой – подчеркивали важность земного существования, которое служит преддверием небесной жизни. В этой связи в брачно-семейных отношениях христианская концепция отводила определенные роли, как женщине, так и мужчине. В частности, женщине отводилась роль деторождения и воспитания потомства в русле христианских заповедей, в то же время мужчина в браке приобретал статус главы семьи, а его власть обосновывалась клерикалами как элемент системы иерархического построения социума, где жена подчиняется мужу, муж подчиняется монарху, а последний за свои поступки отвечает перед Богом.

В рамках сословного государства предусматривалось акцентирование внимания на долженствованиях представителей различных сословий. В то же время субъективные права и полномочия наделенных властью лиц вытекали именно от объема и характера юридических обязанностей. В связи с этим, если мужчина в семье обладал доминирующим положением над супругой и домочадцами, это в первую очередь говорило не о большом объеме его прав как объекта правоотношений, а демонстрировало кластер обязанностей, которые транслировались в различных направлениях – семейных, общинных, социальных, государственных, религиозных. Так, правовое регулирование по Русской Правде и Псковской судной грамоте закрепляло принцип алиментирования, где основным обязанным лицом выступал мужчина. В частности, ст. 95 Русской Правды фиксировала норму о том, что женщины не могли наследовать имущество, если имелись наследники мужского пола с параллельным наделением главы семьи обязанностью обеспечить дочерей приданым, а также долженствованием в виде выдачи дочери или сестры замуж. Все это преследовало цель финансового обеспечения женщин, устранных от права распоряжаться семейным имуществом.

В целом можно отметить превалирование запретительной регуляции в брачно-семейных правоотношениях. Кроме того, христианская церковь в период существования Древнерусского государства столкнулась с тенденцией двоеверия, когда языческие воззрения имели место, а иногда и преобладали, в институциональных связях институтов семьи и брака, противореча христианскому учению. В этой связи запретительные механизмы, инициированные церковью, несли в себе возможность применения уголовных наказаний, гражданско-правовой ответственности, а также сугубо клерикальных санкций, выстраивая новый тип семейно-брачных связей, которые не противоречили бы христианской религии. В новой парадигме развития отношений между мужчиной и женщиной стали вырисовываться некоторые демократические принципы правового регулирования (например, принцип равенства супругов, который институционально основан на принципе формального равенства мужчин и женщин), безусловно, существенно купированные текущей политико-правовой ситуацией. Однако общая тенденция была расположена в плоскости лояльного отношения к христианской религии и всемерной защиты женщин, как социальной основы новой веры (это выражалось и в культе поклонения Богородице). Все это влекло трансформацию языческой культурной традиции, которая была крайне комплементарна к мужчинам, как квинтэссенции земного проявления божественных стихий – силы, ловкости, мужественности, и к женским качествам, таким как способность к деторождению, скромность, покорность. В свою очередь, христианство восприняло в полной мере лишь женскую составляющую языческой культурной среды, поставив мужские

качества в зависимость от отношения к христианскому вероучению, а не как самостоятельные, независимые от религии категории.

Стоит отметить, что христианская религия постулировала принцип нерасторжимости брака, как зафиксированного перед Богом союза мужчины и женщины в целях создания семьи и рождения потомства. Византийские клерикальные институты допускали возможность юридического расторжения брака. В то же время в случае отсутствия юридического опосредования со стороны церковного суда разводы строго воспрещались. Все это проотекало в русле христианской традиции, которая демонстрировала принцип пожизненности брачных уз, который еще слабо воспринимался вчерашними язычниками. В этой связи достаточно характерным было то, что основания для развода были целиком реципированы из византийского нормативного массива, в частности из Прохирона. Мало того, указанная рецепция не была осуществлена линейно, так как русские традиции по вопросам семьи и брака были преимущественно учтены. В связи с этим перечень оснований для развода в Древней Руси в эпоху христианизации был следующим:

- сокрытие от мужа со стороны жены фактов готовящегося преступления, направленного на жизнь монарха или государственные институты;
- супружеская неверность со стороны жены, которую лично зафиксировал муж, либо могли подтвердить послухи;
- обнаружение умысла жены на убийство мужа посредством яда или сокрытия ею фактов готовящегося покушения на супруга со стороны других лиц;
- посещение женой без санкции мужа пиров с чужими людьми, равно как и отсутствие ее дома в ночное время без получения на то разрешения от супруга;
- нарушение запрета мужа посещать дневные иочные развлекательные мероприятия;
- участие жены в краже имущества супруга или хищение церковной собственности.

Примечательно то, что поводы к разводу связывались исключительно с противоправным поведением супруги. В брачно-семейных отношениях мужчине предоставлялась большая вариативность выбора, а сам муж позиционировался как основная фигура в брачно-семейном регулировании, где роль женщины сводилась к подчинению и поддержанию целостности брака. Муж в брачно-семейном праве Древней Руси выступал в роли наставника своей супруги. Такая тенденция четко прослеживается в нормах церковного Устава князя Ярослава, где неугодное христианской церкви поведение супруги не выступает поводом к разводу. В то же время личные и имущественные права супругов были расположены в плоскости мужского доминирования, когда муж и отец был вправе распоряжаться не только имуществом семьи, но и требовать угодную ему модель поведения

своих домочадцев. В большой степени правовое положение женщины в Древнерусском государстве предопределялось социальным статусом ее отца и супруга. Не случайно церковные княжеские уставы распределяют женщин по трем крупным сословиям: великие бояре, нарочитые люди и простые подданные. Кроме того, влияние супруги в семье могло попадать в зависимость от размера приданого, так как в Древней Руси не существовало режима общей совместной собственности супругов, а все споры касались имущества супругов по Уставу Владимира Святославича разрешались в судах церковной юрисдикции («промежи мужем и женою о животе»).

В целом, если затрагивать проблематику брачно-семейных отношений в Древнерусском государстве, нельзя обойти стороной вопрос институциональной системности семьи и эволюции указанного института в Русской Правде.

Обыденное понимание семьи как «ячейки общества» не охватывает всей сложности этого феномена и ее роли в процессе общественного развития. Научная дефинитивность института семьи выступает результатом многогранного синтеза понятий и процесса научного познания, в котором отражена ее эволюционная составляющая, а также причины и предпосылки бытийности этого феномена в общественном сознании прошлых и ныне живущих поколений.

Так, семью можно определить, как первичную форму социума, групповое выражение общественной организации и воспроизводства, которое базируется на супружеских и кровнородственных связях между множеством субъектов, таких как муж, жена, родители, дети, братья, сестры и иные родственники, проживающих совместно, ведущих общее хозяйство и имеющих общий бюджет. Именно в семье индивид реализуется в рамках общественных связей, выступая элементом социальной системы. Важно отметить и то, что семья обладает свойством первичности. По мнению Ч. Кули, подобными свойствами обладают группы, имеющие тесные, непосредственные связи и характеризующиеся ярко выраженной реализацией принципа сотрудничества. Подобная первичность обладает имманентным признаком системности, отображаясь в различных аспектах семьи, стержнем которых выступает тесная связь репродуктивной функции, общественной эволюции и социализации потомства.

Институт семьи отображается не только в образе малой социальной группы, но играет и важную роль универсального носителя статусов, которые обуславливаются разнообразием форм социализации и функциональных связей. Эти статусы объединяются, реализуясь в плоскости персонифицированной амбивалентности и ярко выраженной социальной пропорциональности, а их повреждение влечет асимметрию социальных связей и диспропорцию общественных отношений. В семье каждый субъект может выступать в разноплановом аспекте, обладая различной социальной ролью, формируя персонифицированный семейный статус.

Кроме того, основная телеологичность института семьи детерминирует ее существование, которая соответствует ее типу и специфике. В то же время системность семьи предопределяется целостностью ее связей и сложностью организации ее элементов. В образе первичного коллектива семья обладает признаками системности, так как сущностно отличается от остальных социальных групп, прежде всего тем, что ее характеристики отличаются целостностью функционала, специфичностью организации и природной целевой направленностью. Многообразие внутренних связей института семьи относит ее к социальным институтам, с одной стороны, а с другой – формируют в ней необходимые элементы для стабильного функционирования.

Традиционно наибольший научный акцент при анализе института семьи в Древней Руси приходился на языческий и христианский периоды, неизменно оставляя без должного внимания переходный этап, когда язычество еще имело место, а христианство не обладало характеристиками доминирующего в обществе учения. Именно на такой переходный этап пришлось создание древнейшего источника русского права – Русской Правды.

Стоит отметить, что начало исследований брачно-семейных связей Древнерусского государства было инициировано в начале XIX столетия Н. М. Карамзиным, который подвергал скрупулезному анализу различные аспекты отношений в сфере семьи и брака. Несколько позднее исследование института семьи в Древнерусском государстве получило импульс на базе историко-правовой научной школы, ярким представителем которой выступили И. Ф. Эверс и А. М. Рейнц. Указанные ученые занимались преимущественно проблематикой формирования института брака в языческий и переходный периоды. В последующем проводились исследования имущественных отношений в рамках семьи, содержания брачно-семейных связей и функционала брака. Тем не менее в рамках экономической науки брачно-семейные связи Древней Руси рассматривались недостаточно подробно.

Ведя речь о современных исследованиях брачно-семейных отношений в Древней Руси, необходимо отметить их существенное достоинство, выраженное в обширности научного поиска, который вышел за пределы предмета истории и права, осуществив дрейф в междисциплинарную область, затронув широкий спектр социально-культурных аспектов, в том числе культуру, религию, этику, бытовую составляющую, сферу репродуктивных отношений. Хозяйственно-экономический фундамент института семьи переходного периода еще не закрепился в полной мере в образе предмета научного анализа со стороны представителей науки истории государства и права.

Достаточно очевидным выступает тезис о том, что научный интерес к проблематике институциональных связей и организации древнерусской

семьи переходного периода должен возрасти с утверждением в научном дискурсе эволюционного подхода в исследованиях отечественного государства и права. Кроме того, эволюционный подход в исследовании проблематики брачно-семейных связей Древней Руси актуализирует и сам предмет научного поиска, который в полной мере исчерпан не был. Научный пробел в исследовании проблематики семьи и брака Древнерусского государства периода Русской Правды усугубляется еще и тем, что семья здесь рассматривается в формальной плоскости, без привлечения факторов, инициированных переходностью общественного развития.

Принимая в качестве инструментария научного поиска эволюционных процессов древнерусского социума, разработанного И. Я. Фрояновым, можно сформулировать определенную периодизацию развития брачно-семейных отношений в русле гендерной регуляции в Древнерусском государстве. Так, вполне отчетливо формируются три периода:

- языческий (в социальной регуляции доминирует обычное право);
- переходный (социальному регулированию свойственен договорной характер общественных связей);
- христианский (регулирование общественных отношений осуществляется на базе религиозно-юридических норм).

Кроме того, христианизация Древней Руси в аспекте семьи и брака, а также гендерной спецификации обладала свойством противоречивости и сложности восприятия новой парадигмы со стороны практически всех слоев населения.

Древняя Русь в рамках брачно-семейных связей характеризовалась наличием двух основных видов семьи, с переходными между ними формами. Первым видом семьи выступала малая семья, которая состояла из супругов, еще не вступивших в брак, и их потомства. Такая семья обладала отдельным жилищем, своим хозяйством, являясь первичным элементом системы существующих на тот момент экономических связей. Наряду с малой семьей в Древней Руси имела место и так называемая большая семья – род, которая включала в себя многогранный кластер брачно-семейных связей. Род состоял обычно из трех–пяти поколений родственников, которые формировали прямую и боковую линии.

Постепенно малая семья выделялась из рода, а в качестве ключевых факторов, повлиявших на процесс ее обособления, существенным образом сказалось повышение общей производительности труда и возможность рентабельного хозяйствования в рамках отдельного домохозяйства. Тем не менее, малая семья не могла в полной мере и безболезненно переносить различные кризисные ситуации природного и социального характера. Уязвимой она оказывалась и в аспектах столкновения с государственным интересом, который выражался в сборе дани и судебной нагрузке.

В то же время недостаточно ясна роль рода в системе брачно-семейных связей Древней Руси. Вполне понятно, что представители

большой семьи были консолидированы между собой в рамках многогранного комплекса политических и имущественных прав, к которым можно отнести право на выморочное наследство и кровную месть. Кроме того, большая семья обладала свойствами экзогамности, так как между ее представителями (в том числе троюродными братьями и сестрами) браки были запрещены. Что характерно, представители рода не должны были в обязательном порядке жить под одной крышей. Все это затрудняет научный поиск в аспекте проблематики оценки роли рода как производственной колаборации. В качестве производственного коллектива род выступал, прежде всего, на новых территориях, которые осваивали переселенцы в рамках большой экономико-хозяйственной ассоциации.

Род, утратив первоначальную цель, связанную с ведением хозяйства в кризисных условиях, продолжал реализовывать ряд функций, прежде всего регулятивного характера. В частности, большая семья опосредовала кровнородственные связи, отстаивала субъективные права родственников, помогая им безболезненно переносить бремя юридических обязанностей. Кроме того, род выступал инструментарием консервации культурных традиций, обеспечивая непрерывную связь поколений. С наступлением тенденции ослабления рода и возникновением большого количества малых семей, которые нередко стали преуспевать в новой хозяйствственно-экономической парадигме, стали формироваться принципы ее социальной устойчивости и сохранения представителей малых семей со стороны государства, так как это было выгодно публичной власти, как через призму экономики, так и соответствовало политической конъюнктуре исследуемого периода.

Стоит отметить, что именно во второй половине X – начала XI столетия был инициирован процесс распада родоплеменного строя восточных славян, что и фиксируется в текстах Русской Правды. Новые тенденции в брачно-семейных связях и правовом положении гендерных групп проявлялись постепенно, трансформировав принципы солидарности и протекционизма со стороны рода в плоскость снижения их эффективности. Правовая регуляция в Древнерусском государстве стала обладать двойственным характером в отношении опосредования внутренних связей больших и малых семей, а также в аспекте общественных отношений их представителей с общиной и государственными институтами. Формирование классового устройства в Древней Руси и тенденции укрепления вертикали власти в раннефеодальной монархии спровоцировали ситуацию, когда наряду с прежними ассоциациями стали возникать новые социальные группы, которые стали распространенным явлением уже в период феодализма. Тем не менее, даже в эпоху Средневековья индивид все также выступал представителем определенной общественной колаборации, за пределами которой он не обладал большей частью своих субъективных прав и юридических обязанностей.

В средние века большая семья утрачивает свои ведущие позиции в рамках опосредования брачно-семейных связей, уступая по всем направлениям малой моногамной семье, которая стала лидировать в сфере хозяйствственно-экономических отношений. Примечательно, что малые моногамные семьи имели распространение во всех слоях населения, что повлекло доминирование малых семей, в которых имели место лишь два поколения родственников. В качестве гипотезы можно выдвинуть положение о том, что малая моногамная семья периода Русской Правды выступала в образе института, функционирующего на базе следующих нормативных оснований:

- 1) договора между супружами;
- 2) на основе кровного родства;
- 3) на базе соглашения между родителями и детьми, если имел место факт удочерения или усыновления.

Кроме всего прочего семья считалась полноценной лишь при реализации репродуктивной функции, которая в Древней Руси имела ключевое значение для представителя любой сословной категории.

Тенденция ослабления кровнородственных связей, развитие института частной собственности и малой семьи в пределах соседской общины, а также ключевая роль государства в правовом регулировании ярко демонстрируют упадок института большой семьи и системную деградацию родового устройства, которое было отражено в Древнейшей Правде, составленной в начале XI столетия при князе Ярославе. Кроме того, с начала XI столетия в аспекте брачно-семейных отношений, осуществляемых в рамках малой семьи, прекращает реализовываться принцип общей исторической судьбы кровных родственников с параллельным выходом малой семьи из родовой общины.

Правда Ярослава регулировала жизнь всех слоев населения Древнерусского государства в период христианизации и несла в себе варяжский договорной аспект, так как включала в сферу правовой регуляции как исконных обитателей русских земель, так и инородцев, которые в качестве активных субъектов включались в социальные связи древнерусского общества. Все это неизменно накладывало свой отпечаток на регулирование семейно-брачных отношений и гендерную специфику в Древней Руси.

Русская Правда, как важнейший памятник древнерусского права, в аспекте научного познания не должна подлежать ограничительному толкованию сугубо в рамках проблематики управления и регламентирования взаимоотношения народа с публичной властью. К примеру, Л. В. Черепнин полагает, что Правда Ярослава выступает в образе соглашения, которое ограничивает произвол варяжской дружины, гарантируя местному населению должный уровень законности и правопорядка. При таком толковании имманентной сущности Русской Правды кардинально сужается общее регулятивное свойство этого документа в сфере брачно-семейных отноше-

ний и регуляции в плане правового статуса гендерных групп. Тем не менее, вполне обоснованно полагать, что документ выполнял разноплановые функции, в том числе регламентируя социальные связи обремененные «варяжским» элементом.

Не подлежит сомнению то, что все варианты Русской Правды обладают огромным регулятивным потенциалом в сфере брачно-семейных отношений и, прежде всего, семьи, как важнейшего первичного элемента системы организации общества и социально-экономического фундамента государственных институтов. Осознавая всю важность государственного протекционизма в отношении семьи, власть не могла не включить определенный регулятивный набор в Русскую Правду. На такой тенденции заострил внимание и П. А. Флоренский, настаивая на том, что интересы семьи прямо коррелируются с интересами общества и государства. Кроме того, ученый настаивал на значимости государственной политики в аспекте сохранения крепкой семьи.

Рецепция византийского церковного права после начала христианизации Древней Руси в конце X столетия шла в рамках жесткой корреляции с местными факторами жизнедеятельности древнерусского социума и существовавших норм брачно-семейного права. В результате за период XI–XIII столетий существенный спектр нормативной регуляции брачно-семейных связей нашел свое отображение в текстах Русской Правды, в летописных источниках, а также в берестяных грамотах. В то же время в середине XI в. конвергенция языческих норм с христианской традицией сформировали специфические принципы брачно-семейной регуляции, которые нашли свое частичное отражение в Уставе князя Ярослава о церковных судах.

Обращаясь к регулятивным основам межгендерных и брачно-семейных связей в Правде Ярослава, необходимо отметить, что краткая редакция Русской Правды выступает древнейшим правовым памятником, который расположен в рамках XI столетия. Парадоксально то, что указанная редакция источника структурно включает в себя разновременные документы, начиная с 1016 г.: «Суда Ярослава Владимиоровича» («Правда Ярослава»), статьи 1–18; «Правды Ярославичей», статьи 19–41; «Покона вирного», статья 42; «Урока мостников», статья 43.

Акцентируя внимание на ст. 1 Краткой Русской Правды по Академическому списку середины XV в., можно выявить норму, предусматривающую санкцию за убийство супруга. Такая ситуация демонстрирует сформированную и жизнеспособную систему родственных связей, сложность их структурной организации, разветвленную сеть функциональных направлений взаимоотношений членов семьи. Нормативная регуляция указанного состава предполагает наличие родственников убитого. Правоотношения здесь также предполагают достижение консенсуса государственного и частного интересов, когда вира шла в пользу князя, а головничество – родственникам потер-

певшего. В этом аспекте Русская Правда, являясь охранительным инструментарием брачно-семейных отношений, параллельно выступала и механизмом дискриминации женщин, так как не предусматривала аналогичное наказание за убийство супруги. Нельзя не отметить и позитивное влияние правового памятника на институт древнерусской семьи и ее экономическую основу.

Примечательно то, что при отсутствии желания мести со стороны родственников убитого, либо ее фактической невозможности родственники потерпевшего имели право на получение особого возмещения в виде головничества, размер которого варьировался в зависимости от социального статуса убитого. Разброс сумм здесь был значительным, располагаясь в границах 5–80 гривен. Следовательно, институт головничества являлся тем механизмом, который способствовал реализации не только компенсационной функции государства в пользу частных субъектов правоотношений, но был направлен на поддержание брачно-семейных связей в их консервативной интерпретации. Иными словами, головничество не являлось штрафом в пользу казны, но целиком шло родственникам убитого, одновременно поддерживая общий патриархальный уклад и нормативное доминирование супруга в рамках института семьи и брака.

Стоит отметить, что активное лоббирование головничества со стороны государства объяснялось стремлением ограничить право мести со стороны родственников потерпевшего, так как денежное возмещение стимулировало компенсационные инструментарии в случае потери кормильца и владельца семейного имущества. В то же время месть могла привести к распаду как семьи потерпевшего, так и семьи ответчика, не обеспечивая возможность возместить ущерб пострадавшим от преступления лицам. Так, по некоторым данным в Древней Руси за несколько десятков гривен, которые нередко полагались за уплату родственникам погибшего человека – представителя свободного сословия, можно было приобрести целое стадо коров.

В целом же утрата семьей своего активного в экономическом плане члена – мужчины, который обладал признанным социальным статусом, оказывала существенное влияние на ее будущее, противореча как семейным интересам, так и интересам государства. В рамках брачно-семейных связей снижалась производственная основа и перспективы роста ее имущественного благосостояния. В рамках же государственного интереса это оказывало негативное влияние на товарооборот и размер собранной дани, при том, что продолжительное транслирование конфронтации среди родов в перспективе снижало число подданных и, следовательно, налогоплательщиков. Русская Правда наглядно демонстрировала месть как экономически невыгодный способ разрешения споров о праве, предлагая разрешить конфликтную ситуацию с помощью экономического инструментария, который был выгоден не только пострадавшей семье, но и публичной власти.

Небезынтересно и то, что ст. 2 Русской Правды Краткой редакции впервые нормативно закрепляет понятие «обида», которое необходимо толковать как обязанность виновной стороны компенсировать причиненный вред потерпевшему или его семье. Обида имеет место там, где пострадал интерес частный, а сама она фиксирует право потерпевшего или его родственников на определенное возмещение. В этом аспекте само возмещение может сопровождаться мздой – оплатой услуг на лечение потерпевшего, параллельно не снижая материальную компенсацию за обиду. Дефинитивно обида обладает особой ролью в нормативной регуляции Древнерусского государства, проходя «красной нитью» через историю Русской Правды, вплоть до Судебника Ивана III, где обида сменяется понятием «лихое дело». Не сложно увидеть здесь дрейф частноправового возмещения в спектр государственно-правовой компенсации. Тематика государственного лоббирования экономического возмещения вреда прослеживается и в ст. 3 указанного правового памятника.

В ст. 5 Русской Правды Краткой редакции нормативно закреплялся и институт возмещения частичного ущерба, который возникал в случае нанесенияувечья члену семьи. В то же время ст. 6 указанного документа нормирует компенсационные механизмы частичного увечья руки. В этой связи здесь можно наблюдать стремление законодателя предусмотреть возмещение вреда при возникновении неполного увечья члена семьи. Стоит подчеркнуть, что обида в Русской Правде предусматривает не только личную компенсацию ущерба, но и возмещение вреда, причиненного семейному интересу. Такой компенсационный механизм вводил возмещение не только для отдельной личности, но и для его семьи в целом, так как предполагал перспективный убыток для всей семьи в связи с увечьем одного из ее членов. Кроме того, имелась и конкретная дифференциация компенсации различного рода частичных увечий, для рук, ног и пальцев потерпевшего.

В аспекте гендерной спецификации важную институциональную роль играют обиды, нормированные в статьях 6–8 Русской Правды Краткой редакции, регулирующие вопросы нанесения репутационного ущерба главам семей и старшим сыновьям. Так, повышенный штраф предполагался за вырывание усов и бороды, который был выше, чем штраф за частичное увечье руки в виде утраты пальца. Подобное не было предусмотрено за аналогичные обиды, нанесенные женской гендерной группе, что в свою очередь демонстрирует повышенную охрану субъективных прав мужчин в Древней Руси.

В ст. ст. 11-15 и 17 документа, регламентируются правоотношения, связанные с возмещением ущерба, причиненного кражей; повреждением имущества; хищением холопа; невозвратом долга и пр. Так, ст. 12 нормирует следующие положения: «Аще поиметь кто чюжъ конь, любо оружие, любо порть, а познасть въ свое милю, то взяти емоу свое, а 3 гривне за

обидоу», что указывает на судебный процесс, осуществляемый в рамках самой общины, рода, а также улицы или стороны в Новгороде, так как все эти общности подпадали под понятие «мир». Примечательно, что правоотношения в сфере права собственности в указанной статье не обладают свойством иерархичности и подпадают под одинаковую правовую охрану. С помощью буквального толкования указанной нормы можно увидеть и то, что юридической защите подлежит не только личная собственность, но и имущество домохозяйства.

Вместе с тем ст. 13 Русской Правды Краткой редакции воспрещает произвол в аспекте изъятия украденной собственности, регламентируя законному владельцу обращаться в мир для разрешения возникших споров о праве. Истцу, для восстановления законного господства над вещью, предлагаются воспользоваться правовым инструментарием, зафиксированным в институтах свода, извода и поруки, которые предусмотрены в общинных правоотношениях в качестве гарантии обеспечения имущественных и личных прав. Примечательно, что указанные правовые механизмы могла запустить именно община, но не кровнородственные коллективы. Так, свод расположен в рамках свидетельских показаний, а извод в кластере расследования всех важнейших обстоятельств дела. В то же время порука определяет компетенцию общины в сфере консолидации возмещения вреда, который причинен ее представителем и его семьей. Все это демонстрирует процесс государственной протекции института семьи в аспекте привлечения общины в дела о разрешении правовых споров.

В рамках исследуемой проблематики также важна ст. 14 Русской Правды Краткой редакции, которая нормирует процессы защиты прав собственности в операциях по займам, которые в Древней Руси были достаточно распространенным явлением, по причине исторической значимости купеческого дела и развитых товарно-денежных отношений. В частности, при осуществлении процедуры взыскания денежных средств с должника, который отказывался признать себя таковым, истцу было необходимо присутствовать на суде, состоящем из двенадцати человек. В случае же признания за должником факта обмана, истец получал право не только вернуть свои деньги обратно, но и требовать денежную компенсацию за обиду, которая обычно оценивалась в три гривны. Стоит отметить, что нередко фигурировавший в документе термин «скот» обладал расширенным толкованием, обозначая имущество домохозяйства.

Изучая нормативную эволюцию брачно-семейных связей, можно также усмотреть и развитие малой семьи, как самостоятельного субъекта судебно-имущественных отношений, когда деяния ее членов прямо коррелировались с имущественной ответственностью, оказывая существенное влияние на благосостояние семьи.

В результате доминирования рационального подхода в нормативной политике Древнерусского государства можно увидеть ряд важнейших но-

ваций, которые повлияли на гендерную специфику и брачно-семейные отношения. Так, в результате доработки Русской Правды со стороны сыновей Ярослава Мудрого смертная казнь за уголовные преступления была отменена. Ее отмена сопровождалась нормированием возмещения вреда со стороны виновного лица, что, несомненно, было экономически выгодно как для семьи потерпевшего, так и для государственной казны.

Русская Правда регулировала широкий спектр отношений в рамках права собственности и охраны имущественных прав высших слоев населения Древней Руси. Правовая регуляция источника не оставляла без внимания и правоотношения, в которых фигурировали и остальные представители древнерусского общества, в том числе и из среды зависимого населения. Указанный памятник древнерусского права в процессе эволюции отражал различные сведения, затрагивающие: структуру семьи; правовое и имущественное положение супружеских пар, вдов, дочерей; вопросы наследования и опеки и пр.

В этой связи ст. 20 Русской Правды Краткой редакции осуществляла нормативную охрану семейного имущества средних и мелких землевладельцев (огнищан) и управителей крупных домохозяйств (тиунов). В то же время ст. 21 документа защищала семейную собственность людей, аффилированных с хозяйством князя (дружинников и княжих мужей). Русская Правда регламентировала также право на убийство злоумышленника, если он напал на тиуна или огнищанина, либо застигнутого на месте татьбы, которая осуществлена в пределах домаохозяйства, либо рядом с домашним скотом. В свою очередь сам подход Русской Правды к личности и имуществу огнищан демонстрировал глубокую заинтересованность в благосостоянии этой социальной прослойки со стороны князя.

Стоит отметить, что Русская Правда в своей эволюции расширила рамки правовой регуляции в сфере брачно-семейных отношений и гендерной спецификации, дополнив регулятивный аспект механизма правового регулирования. Так, Русская Правда Пространной редакции имела нормы, регулирующие режим совместного владения семейным имуществом супругами и его раздел в случае прекращения семейных связей. В связи с наличием потребности регулировать усложнившуюся жизнь древнерусского общества регулятивный объем Пространной Правды был в разы больше, чем в Русской Правде Краткой редакции.

Такая тенденция была связана с тем, что именно малая семья, а не род, постепенно становятся первичной экономической и социально-политической ячейкой общества. Сама социальная регуляция осуществила дрейф из плоскости большой семьи, с ее кровнородственными принципами и ярко выраженным патриархальным бытом, в котором главную роль играл домовладыка, в зону ответственности супружеских пар малой семьи, с перспективой реализации принципа их равенства и всемерной протекции ее со стороны государства и церкви.

По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, Русская Правда породила и тенденцию отмирания брака через похищение невесты или ее покупки, дав импульс договорному принципу его заключения. В этом аспекте роль женщины в семье вырастала соразмерно объему приданого, а личные и имущественные права женщины в семье стали признаваться супругом и защищаться государством.

Правовой статус мужчин в Древней Руси был крайне чувствителен к эволюции имущественных правоотношений между супружами. Тем не менее Русская Правда не могла четко нормировать многие важнейшие институты, такие как процесс передачи личной собственности супруги в объем семейного имущества, режим совместной собственности супругов, а также ее раздел. Однако вполне определенным выступало то, что подавляющая часть движимого имущества семьи принадлежала мужу. В свою очередь, супруга не могла ни претендовать на имущества супруга, ни фактически распоряжаться совместно нажитым имуществом, так как основная экономическая роль в семье принадлежала мужчине, а женщина в полной мере могла распоряжаться лишь тем имуществом, которое она привнесла в новую семью в качестве приданого.

Институционально приданое можно рассматривать как такую форму имущества, генезис которой расположен в русле перехода от родоплеменного к классовому обществу. Кроме того, развитие института приданого сигнализирует о тенденции угасания кровнородственных связей в рамках большой семьи, когда, с одной стороны, малая семья еще не доминирует в системе социальных связей, а с другой – брак еще не обладает достаточной степенью устойчивости и обратимости состояния, каким он наблюдается в обществе с классовой структурой. В качестве имущественных объектов в приданом фигурировали личные вещи женщины, предметы культурно-бытового назначения, а также иное имущество, которое обладало достаточной ценностью, например, драгоценности. Все это женщина приносila в новую семью, а само приданое становилось залогом достойного существования женщины, как в браке, так и после его расторжения или вдовства.

Приданое в целом обладает довольно ранней персонификацией личного имущества, которое существовало в рамках брачно-семейных связей общества переходного типа в границах малой семьи, где правовой статус гендерных групп характеризовался паритетом правового положения мужчин и женщин. Характерно то, что в случае смерти супруги наследовать приданое могло лишь ее собственное потомство. Если же женщина была бездетной, то ее приданое возвращалось обратно в семью родителей. Важно то, что ни муж, ни новые члены семьи не могли претендовать на право наследования приданого умершей женщины. Право частной собственности на недвижимое имущество в Древнерусском государстве не получало должного импульса в тех общностях, где доминировали общинные прин-

ципы управления и колlettivизма, мешавшие процессу становления классовой системы.

Важным положением Русской Правды выступало то, что взаимное алиментирование супругов являлось ключевой позицией, обеспечивающей устойчивость брачно-семейных отношений и реализацию равенства правового положения мужчины и женщины в Древней Руси. Супруги были обязаны заботиться друг о друге в случае болезни одного из них: «Если будет у жены тяжелый недуг, или слепота, или долгая болезнь, то ее нельзя оставить: также и жена не может оставить мужа» (Устав князя Ярослава). Речь в этом случае идет не о запрете на развод, но о долженствовании взаимного содержания супругов. Русская Правда постулировала преимущественное право супруга разрешать важные внутрисемейные вопросы, регулировать взаимоотношения своей супруги с социумом и определять меру наказания за проступки своих домочадцев в сфере социальных связей домохозяйства.

В Древней Руси развод супругов не приветствовался, но допускался. Однако, прежде чем его оформить, требовалось провести судебное разбирательство с привлечением свидетелей, которые должны были подтвердить его необходимость и достаточность оснований. В качестве общественно одобряемых причин развода фигурировали следующие основания, которые были исчерпывающими: супружеская неверность со стороны женщины; физическая несостоятельность мужчины в браке; смерть одного из супругов. Впоследствии основания для развода стали обладать свойствами большей дифференциированности в аспекте нормирования государственных, церковных и личных выплат виновником развода или его представителем.

Регулирование правоотношений в рамках опеки и наследования также получило необходимый импульс только посредством закрепления в Русской Правде принципов кровного родства и семейственности. Через механизм обычного права и норм Русской Правды регламентируются основные начала наследования в рамках отдельной семьи, инициирующиеся после смерти главы домохозяйства, которая приводила семью к распаду. По нормам Русской Правды наследовать имущество умершего могли только его дети и внуки. Иными словами, наследование осуществлялось в русле нисходящих ветвей родственников.

Если не брать в расчет тот факт, что уровень нормативности Русской Правды Пространной редакции до конца не ясен, как и степень ее регулятивного охвата, научный интерес здесь расположен в плоскости нормативного инструментария правоотношений, связанных с семейным имуществом. Нормы указанного документа регламентируют процесс солидарного обладания супругами общим имуществом, а также нормируют их имущественные отношения в случае распада семьи. Так, ст. ст. 85-86 закрепляют за домохозяином обязанность обеспечить незамужних дочерей

умершего. Кроме того, ст. 87 регулирует правоотношения, возникшие в рамках наследования имущества, как при жизни наследодателя, так и после его смерти, когда завещание отсутствует. В ст. 88 нормируется проблематика наследования вдовы, второй жены и детей от первой жены умершего домохозяина. Ст. 89 закрепляет долженствование братьев в вопросе финансового обеспечения своих сестер после смерти их отца. В статьях 92–94 фиксируются нормы, регулирующие обязательства матерей перед малолетними детьми и их обеспечение после смерти отца, а также ограничения в сфере наследования имущества. В целом правовые основы социокультурной среды Древней Руси в правовом положении гендерных групп неизменно отражались на эволюционном развитии Русской Правды в аспекте сохранения института семьи и ее традиционных направлений.

Ведя речь о нормировании правоотношений, связанных с военной службой в Древнерусском государстве, и о гендерной спецификации, которую они формировали, стоит отметить, что именно мужчина рассматривался как защитник Родины и государства. В то же время женщина не играла особой роли в качестве боевой единицы, так как в исследуемый период именно мужские физиологические характеристики выступали главным признаком воина. Сам факт существования обязанности защищать страну от внешней агрессии накладывал определенный отпечаток на правовое положение мужчин в Древней Руси, тогда как за женщинами аналогичная обязанность не закреплялась, трансформируясь в общее русло традиционных ценностей домашнего очага и репродуктивных функций.

В заключение стоит подчеркнуть, что правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп попадали в зависимость от ряда направлений, которые регламентировали брачно-семейные связи, вопросы военной службы и религиозный контекст жизнедеятельности социума. Важным здесь выступает то, что в Древнерусском государстве существенную поддержку от церкви и государства получила малая семья, которая в отличие от семьи большой предполагала широкую реализацию принципа гендерного равенства супругов, а также ряд долженствований со стороны главы домохозяйства по имущественному обеспечению представителей женской гендерной группы.

ГЛАВА II.

ДРЕВНЕРУССКОЕ ЦЕРКОВНОЕ И СВЕТСКОЕ ПРАВО В КОНТЕКСТЕ ЮРИДИЧЕСКОГО СТАТУСА МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ

2.1. Вселенское каноническое право и церковное право Древнерусского государства в аспекте правового положения мужчин

Актуальность проблематики сравнительного анализа канонического права и древнерусского церковного права расположена в плоскости трансформации правового статуса мужской гендерной группы, так как недостаточная эффективность государственной политики Древнерусского государства в сфере правового регулирования, а также необходимость интенсификации нормативного процесса повлияли на значимость клерикально-правового инструментария в области гендерной спецификации. К последним следует отнести и распространение знаний канонического права, богатое морально-правовое наследство которого способствует подъему в обществе уровня самосознания, культуры и нравственности мужчин и женщин, преодолению негативных тенденций правового нигилизма, укреплению социального мира и консолидации древнерусского общества. Применительно к современности игнорирование обществом исторического религиозного фундамента отечественной государственности направляет социум в русло интеллектуальной деградации и морального разложения. В целом изучение канонического права предоставляет возможность получить не однобокую атеистическую концептуальную платформу, но всеобъемлющее, широкое, фундаментальное образование, глубже оценить правовые системы, определять характер и нормы устойчивых взаимосвязей между церковью и государством, а также между различными конфессиями.

Каноническое право в разной степени освещали досоветские правоведы и историки Е. Е. Голубинский, В. Н. Бенешевич, М. Красножон, А. С. Павлов, Н. С. Суворов и многие другие, современные российские ученые А. В. Карев, С. А. Комаров, Н. Кулаков, А. П. Лопухин, А. И. Масляев, К. В. Сомов, П. Тиллих, В. А. Томсинов и др. В число отечественных исследователей канонического права входят В. В. Андрейцев, В. И. Андрейцев, Л. Войтович, А. Домановский, В. И. Киянко, В. В. Лазор, Л. И. Лазор, И. Лило, Ю. М. Оборотов, А. Рудаков, С. Сорочан, В. В. Сташик, П. П. Толочко, А. Файда, И. И. Шамшина и др. Они рассматривали процесс возникновения и особенности эволюции канонического права в первом тысячелетии нашей эры на Западе, формирование его источников, обобщенно констатировали влияние этого регулятивного инструмента на развитие государственности в Древней Руси и выработку уникального цивилизационного кода.

Однако среди трудов выше указанных авторов не встречается конкретный сравнительный анализ нормативности источников канонического права, в частности, принятых Вселенскими и Поместными соборами правил с церковным Уставом и Уставом князей Владимира и Ярослава. Цель параграфа заключается в попытке сопоставления обозначенных текстов и поиска их нормативного влияния на правовой статус мужчин Древнерусского государства.

Изложение материала логично начать с освещения особенностей возникновения канонического права в Православной церкви и в Древней Руси. Отечественный правовед и историк церковного права А. С. Павлов подчеркивал, что поскольку русская церковь составляет часть единой восточной православной церкви, ее нормативный инструментарий должен изучаться в неразрывной связи с механизмом правового регулирования последней, а для правильного понимания той и другой регуляции необходимо знать, как они образовались.

Ученый также добавлял, что христианство оказало значительное влияние на правовую жизнь «высококультурного римского народа», а цивилизаторская деятельность церкви по отношению к варварским, германским и славянским народам проявилась в еще более широких объемах и с большей силой. А. С. Павлов распределял историю православной церкви исследуемого периода на два этапа: первый – от начала христианства до признания его государственной религией в Римской империи при Константине Великом (306–337 гг.) и второй – от Константина Великого до издания Фотиева Номоканона в конце IX века. Следовательно, этот период охватывает почти тысячелетие. Исследуемый же период истории церковного права Древней Руси не достигает и одного столетия, поскольку после ее крещения в 988 г. и принятия Устава князя Владимира максимум в 1015 г. прошло всего 27 лет, а до появления Устава Ярослава Мудрого в 1052 – 1054 гг. – 66 лет.

Второе существенное отличие процесса возникновения канонического права на первом этапе его развития в Римской империи и на протяжении 988 – 1054 гг. в Древнерусском государстве составляла форма церковных дисциплинарных правил.

В течение первых трех веков нашей эры христианская религия самостоятельно распространялась на территории Римской империи и за ее пределами. При этом государство достаточно активно боролось против христианства. Особенно широкие масштабы гонения против церкви приобрели при императорах Нероне (37 – 68 гг.) и Диоклетиане (284 – 305 гг.). По приказу первого христиан разыскивали, подвергали длительному тюремному заключению, отдавали в цирк на растерзание дикими зверями, распинали на крестах, обливали горячей смолой и сжигали ночью вместо факелов для освещения садов императора. В правление Диоклетиана власти также в течение десятилетия убивали тысячи христиан, стремясь

совместить смертную казнь с самыми разнообразными истязаниями. В Древней Руси христианская религия была введена «сверху» одномоментным волевым решением князя Владимира. В качестве нормативного инструментария, призванного урегулировать процесс христианизации, выступил его церковный Устав.

В качестве позитивных тенденций в аспекте правового положения мужчин правление императора Нерона могло ознаменоваться отменой смертной казни в армии, а также изменения правил гладиаторских боев в рамках того, чтобы гладиаторы бились не насмерть. Однако гибель Нерона не позволила таким важнейшим новациям воплотиться в жизнь. Ведя же речь об императоре Диоклетиане можно отметить, что его реформы существенно урезали права мужчин в сфере военной службы, так как способ комплектования вооруженных сил радикально трансформировался из кластера добровольности, в русло обязательности воинской повинности.

В аспекте реформ князя Владимира можно отметить то, что внедрение моногамных брачно-семейных отношений сопровождалось параллельной поддержкой отношений на основе родовых связей в сфере престолонаследия, когда женщины полностью исключались из сферы управления государством на княжеском уровне. Так, по мере взросления своих многочисленных сыновей Владимир назначал их вместо посадников-варягов управлять наиболее важными городами государства, укрепляя таким образом собственную власть, но предопределяя последующую вскоре междуусобицу.

В конце жизни Владимир задумал изменить правило престолонаследования по старшинству и поручил руководство великокняжеской дружиной своему любимому сыну Борису. Вскоре назначенный им на правление в Новгороде сын Ярослав Мудрый отказался выплачивать отцу ежегодную дань в 2000 гривен, а старший сын Святополк Окаянный был обвинён отцом в попытке заговора и посажен в темницу.

Следующим и органично связанным с Уставом князя Владимира документом выступило Устав князя Ярослава Владимировича. «Статьи (точнее, нормы) Ярославова устава, – отмечал А.С. Павлов, – находятся в прямой связи с уставом Владимира».

Отличались и особенности возникновения церковных правил на первом этапе развития христианства в Римской империи и в 988–1054 гг. в Древней Руси. А. С. Павлов усматривал первый этап истории источников общечерковного права от начала христианства до признания его государственной религией Римской империи в 313 г. новой эры. В это время еще не состоялся ни один из Поместных или Вселенских Соборов и еще не были сформулированы строгие дисциплинарные правила, возникавшие на втором этапе. По выражению А. С. Павлова, в «наиболее блестящий период развития церковного права... период образования общечерковного, или вселенского канонического кодекса». К началу же четвертого века

христианские общины управлялись епископами в соответствии с библейскими нормами и апостольскими преданиями, игравшими роль общего и необходимого канона церковного жизни и дисциплины.

Уже в конце третьего века христианской церкви были повсеместно известны 85 апостольских правил, которые происходили от церковных авторитетов (апостолов), подходили под понятие неписанных законодательных норм и фактически были обычаям. Отечественные правоведы Л. И. Лазор, В. В. Лазор, И. И. Шамшина видят в христианстве первых трех веков нашей эры лишь «начало развития церковного (канонического) нормотворчества». Что же касается Древнерусского государства, то после его крещения князь Владимир, будучи последовательным государственным деятелем, сразу же осуществил разграничение юрисдикции церковной и княжеской власти. Формальным выражением княжеской воли оказался Устав князя Владимира, в котором ряд отечественных правоведов видит «первый отечественный источник канонического права», в соответствии с которым регулирование брачно-семейных, наследственных, торговых и некоторых других отношений передавалось в церковную юрисдикцию.

На втором этапе развития канонического права апостольские устные предания нашли письменное оформление и подтверждение Поместными и Вселенскими соборами и в числе 85-ти вошли в изданный в 883 г. известный под названием «Номоканон в XIV титулах» сборник правил, то есть изданных церковной законодательной властью письменных определений, которые до наших дней в православной церкви имели силу обязательных для всех верующих. В Номоканон вошли также правила шести Вселенских и десяти Поместных соборов, правила тринадцати святых отцов. Никейский Вселенский собор 325 г. постановил 20 правил, первый Константинопольский 381 г. – 7 правил, Эфесский в 431 г. – 8 правил, Халкидонский 451 г. – 30 правил, Трулльский 691–692 гг. – 102 правила, Никейский второй 787 г. – 22 правила, то есть итого 189 правил. В целом в работе этих соборов участвовали 1653 епископа и другие святые отцы. Анкирский Поместный собор 314 г. принял 25 правил, Неокесарийский 314-325 гг. – 15 правил, Гангрский 340 г. – 21 правило, Антиохийский 341 г. – 25 правил, Лаодикийский 343 г. – 58 правил, Сердикский 343 г. – 21 правило, Константинопольский 394 г. – 1 правило, Карфагенский 419 г. – 12 правил, Константинопольский 861 г. – 17 правил.

После обретения статуса государственной религии христианская церковь приняла более 740 правил. Что же касается церковного права Древней Руси XI века, то Устав Владимира содержал 19 статей, а Устав Ярослава – 56 статей, то есть в целом 75 статей. Если учесть, что Устав Владимира не содержал дисциплинарных правил, а лишь мотивировал необходимость переноса определенного их числа в церковную юрисдикцию, то 56 статей Устава Ярослава, по сравнению их с указанными выше

740 канонами, составлять менее одного процента от количества норм Восточной церкви IV–IX вв.

До сих пор речь шла в основном о количественных характеристиках объектов сравнительного анализа. Однако сравнение содержания предстает более важным. Вселенские соборы решали в основном догматические вопросы, осуждали различные лжеучения – ереси, которые искали догматы веры. Семь из этих соборов, от 325 до 787 гг., созывались с целью осуждения арианства (непризнание божественности Иисуса Христа), духоворства (отвержение божественности Святого Духа), христологичности (непризнание Иисуса Христа Богомчеловеком), пелагианства (непризнание первородной греховности), монофизитства (непризнание Иисуса Христа человеком), монофилитства (признание Иисуса Христа только Богом), иконоборчества (непризнание святости икон).

Одновременно Вселенские соборы решали вопросы церковного устройства, церковной политики, осуждали стремление церковных иерархов и служителей различных уровней к обогащению, посвящение в церковнослужители за деньги, ростовщичество, откуп, хищение церковного имущества, его присвоение, торговлю напитками тому подобное. Это обусловливалось тем, что уже в IV в. церковь превратилась в мощный централизованный институт, самую богатую и мощную организацию. Династии священнослужителей стали повседневной практикой. Наблюдалась устойчивая борьба за высшие церковные должности, которые часто покупались. В целом духовенство жило в роскоши, что приводило в замешательство даже высоких придворных сановников.

Отдельные из соборов одновременно затрагивали и вопросы брачно-семейного характера. Так, правилом 14-го Халкидонского собора 451 г. разрешалось церковным служителям вступать в брак, но запрещалось брать жену из иноверных, еретиков, иудеев и язычниц. Нарушение правила каралось епитимией. Правило 6-го Трулльского собора 691–692 гг. запрещало вступать в брак иподиаконам, диаконам и пресвитерам после совершение над ними хиротонии, нарушение которой лишало их сана. До хиротонии этим служителям жениться разрешалось. Эти два собора, правилами 27-м, 91-м, 92-м, предусматривали анафему за похищение чужой жены, а также епитимию женщинам за вызывание выкидыша травами, приравнивая такие действия к убийству. Вместе с тем 3-е правило Трулльского собора квалифицировало как прелюбодеяние вступление в половые отношения с женами воинов и других мужчин, которые долго отсутствовали, до удостоверения в их смерти или до их возвращения. Под это определение подпадали и женщины, которые вышли замуж после отбытия их мужей на неопределенный срок.

Дисциплинарные вопросы решались Поместными соборами, которые произошли с 314 до 879 гг. В целом принятые ими правила можно разделить на четыре группы: брачные отношения; пренебрежительное

отношение к членам семьи, их оставление; колдовство и язычество; убийство. Анкирский Поместный собор 314 г. 10-м правилом позволял жениться диаконам только до рукоположения и запрещал брак после него. В соответствии со статьями 1-й и 31-й Лаодикийского Поместного Собора 343 г. верующие могли свободно и законно сочетаться в браке после проведенного в посте и молитвах недолгого перерыва. При этом запрещался брачный союз с еретиками и еретичками без намерения последних стать христианами. 102-м правилом Карфагенского Поместного собора 419 г. запрещался повторный брак оставленному мужу и покинутой жене, за нарушение чего они наказывались покаянием.

Гангрский Поместный собор 340 г. посредством статей 14-й, 15-й и 16-й предусматривал наказание проклятием за оставление мужа женой, детей отцом и матерью, родителей детьми. Статья 24 Анкирского Поместного Собора 314 г. нормировало покаяние в течение пяти лет и молитвы без приобщения к святым таинствам за занятие колдовством, приглашение к жилищу колдунов и соблюдение языческих обычаяев. Принятые собором правила 22-е и 23-е регламентировали наказание верующих за умышленное убийство покаянием до конца жизни, а за непредумышленное убийство – на семь лет.

Каноническое право Восточной церкви, формировалось в течение первого тысячелетия н. э., оказав определяющее влияние на возникновение церковного права Древней Руси в XI в. Об этом свидетельствуют упоминания о переводе Номоканона в XIV титулах на славянские языки в IX–XI вв., письменные памятки, фиксирующие склонность князя Владимира к совещаниям с епископами по вопросам выработки законов для христиан, а во-вторых, его прямое заявление о заключении им Устава на основании греческого Номоканона, который убедил его в необходимости отделения церковного права от права государственного. Последнее повторяется и князем Ярославом в его уставе, который не предусматривал наказаний за нарушение норм христианской морали и поведения, регламентируя лишь два вопроса: установление церковной десятины и определение компетенции церкви по делам христианской общины. По выражению А. С. Павлова, в Уставе Владимира «содержится один только голый перечень подсудных церкви дел и лиц без какого-либо указания на то, в чем собственно должен заключаться суд по этим делам и над этими лицами».

В переводе со старославянского языка и толкования терминов А. С. Павловым 9-я статья Устава Владимира передавала в церковную юрисдикцию следующие составы: развод, приданое, изнасилование чужой жены или дочери, драки между супругами, браки между близкими родственниками. В эту же категорию входили также различные виды колдовства: ведьство (знахарство вообще), уродство (приготовление различных колдовских напитков), зеленичество (знание целебных трав), чаудеяния (способы приготовления колдовских лекарств), волхования (то же, что

и ведьство), урекания (уроки), блядение (болтовня), зелии (привлечение женщин или мужчин с помощью трав), еретичество (колдовство), зубоежа (аморальная драка мужчин с кусаниями и царапанием). Далее упоминалось избиение отца или матери сыном или дочерью, иски детей по поводу наследства, церковная кражи, осквернение могилы, разрушение креста, избиение домашней птицы или собаки, драка мужчин, повреждения в ней половых органов женой одного из них, языческие моления, убийство девушки ребенком. А. С. Павлов отмечал по этому поводу, что лишь некоторые из перечисленных объектов церковного правосудия были прямо указаны в греческом Номоканоне и вместе с ним имели место в Библии. Другие же были внесены в Устав Владимира «по указанию самой народной жизни», которые в то время нередко представляли зафиксированные в Уставе случаи. В уставе велась речь о его действенности на всей территории Руси; невозможности князей всех последующих поколений, княжеских судей, бояр, тиунов вмешиваться в церковную юрисдикцию; приводился перечень церковных должностей и церковных людей; предусматривались наказания проклятием и Страшным судом за оскорблении церковного суда.

Таким образом, первый христианский князь Владимир проводил свою законодательную и учредительную деятельность, которая направлялась на установление и укрепление в Древней Руси нового порядка в соответствии с предписаниями христианской религии. Фактически Владимир руководствовался той же идеей, что и римский император Константин, который, стремясь к созданию единого, сильного государства, «высоко ценил централизаторскую силу церкви и считал ее, наравне с войском, бюрократией и законодательством, мощным фактором создания сильной императорской власти».

Устав князя Ярослава также, ссылаясь на греческий Номоканон и находясь в прямой связи с Уставом князя Владимира, во-первых, назначил соответствующие наказания за отнесенные к церковному суду действия, а во-вторых, добавил к ним целый ряд новых, исторически обусловленных статей. Это были статьи об одновременном сожительстве с двумя женами (ст. 13), о соблазнении девушки (ст. 5), о связи женатого мужчины с посторонней женщиной (ст. 6), мирянина с монашкой (ст. 15), о взятии мужем второго брака без правильного развода с женой (ст. 7), о различных видах кровосмесления (статьи 11, 17-20), о принуждении родителями детей к браку (ст. 21), об оскорблении супружеской чести чужой жены бранным словом (ст. 22) и другие, с наказаниями за их совершение. Стоит отметить, что А. С. Павлов усматривал в таких преступлениях довольно обычные явления в жизни представителей древнерусского социума, которые не так давно крестились.

Предусмотренные Уставом Ярослава нарушения нормы можно разделить на три группы:

- 1) преступления против веры и церкви;

- 2) проступки в сфере брачно-семейных отношений;
- 3) нарушения общественной христианской морали.

В первую группу входят: блуд кума с кумой (ст. 13), брата с сестрой (ст. 15), близких родственников (ст. 16), жизнь с двумя женами (ст. 17), половую связь женщины с жидовином или бесерменом (ст. 19), мужчины с бесерменкою или жидовкой (ст. 51), блуд мирянина с монашкой (ст. 20), с животными (ст. 21), свекра со снохой (ст. 22), брата с двумя сестрами (ст. 23), отчима с падчерицей (ст. 24), деверя с ятровкой (ст. 25), сына с мачехой (ст. 26), двух братьев с одной женой (ст. 27), отца с дочерью (ст. 28), блуд монаха, монашки, священника, его жены, просвирней (статьи 44, 45), колдовство жены (ст. 38), пьянство священников, монахов и монашек (ст. 46), употребление запрещенной пищи, пищи и питья с иноверцами и отлученными от церкви (статьи 47, 49, 50), вмешательство священника в другой приход (ст. 48), расстрижение монаха и монашки (ст. 52).

Преступлениями брачно-семейного характера считались: измена мужа жене (ст. 8), измена жены мужу (ст. 10), оставление мужем больной жены и женой больного мужа (статьи 11, 12), незаконный развод (ст. 18), насильственный брак (ст. 29). В то же время источник фиксировал основания для развода: непослушание жены, ее прелюбодеяние, покушение на жизнь мужа, пьянство, участие в игрищах, обкрадывание мужа (ст. 53).

Обширнее был перечень преступлений против общественной христианской морали: похищение девушки (ст. 2), изнасилование боярской дочери (ст. 3), прелюбодеяние с женой боярина (ст. 4), беременность девушки, жены от другого мужчины, девушки от боярина (статьи 5, 6, 7), о браке без развода (статьи 9, 10), кражи (статьи 32, 33, 34, 36, 37), оскорблечение словами чужой жены и мужа, стрижкой головы или бороды (статьи 30, 31), посрамление засватанной девушки отказом жениться (ст. 35), позорная драка мужчин (ст. 39), избиение мужа женой и жены мужем, сыном родителей (статьи 40, 42, 43), драка двух женщин (ст. 41). В целом устав предусматривал наказание по 29 составам в виде штрафов, 8 составов предусматривали в качестве наказаний епитимью, 3 – отлучением от церкви и 8 – предусматривали суд князя.

Примечательно то, что в вышеуказанные составы не попали ни женские, ни мужские гомосексуальные связи.

Содержанием многочисленных норм уставов отличались от норм Номоканона. В частности, в них не рассматривались нарушения канонов церковными иерархами, но регламентировались вопросы конкретного поведения мирян, которые только что перешли из язычества в христианство и не жили в условиях развитой гражданско-правовой регуляции. По этому поводу А. С. Павлов отмечал, что греческие церковные каноны приобрели новые своеобразные определения под влиянием народной жизни Древнерусского государства и добавили к ним массу полезных новаций.

Таким образом, введение церковного права в Древней Руси произошло с целью создания сильного централизованного государства с помощью канонов Византийской церкви. Однако этому процессу и сущности русских канонов были свойственны определенные различия. В Восточной Церкви каноническое право формировалось на протяжении почти тысячелетия, состояло оно из разных источников, формируясь «снизу», посредством воздействия достаточно многочисленных коллективов на многих Вселенских и Поместных соборах, а также отдельными святыми отцами и издавалось сборниками.

Напомним, что в Древней Руси XI в. церковное право возникло «сверху», почти одномоментным изданием двумя князьями уставов, в которых содержался достаточно четкое определение пределов церковной юрисдикции. Церковь сразу же после введения христианства в Древней Руси была признана важнейшим институтом. Подобный процесс в Римской империи имел место лишь на четвертом веке ее существования. В отличие от предусмотренных Номоканоном наказаний церковных иерархов анафемой, отлучением, лишением сана за многочисленные преступления, в уставах вообще отсутствуют подобные нормы, а также наказания проклятием. Последние содержат значительно более мягкие санкции и предусматривают многочисленные штрафы соразмерные степени общественной опасности деяния.

Наряду с противодействием преступлениям против веры и церкви особенно отмечается борьба за нравственность брачно-семейных отношений и соблюдение правил общественной христианской морали. Уставы не касались догматических вопросов, а предусмотренные ими преступления и наказания за их совершение отличаются большей детализацией и отражением широкого круга обстоятельств. Именно через этот инструментарий Церковь оказывала влияние на правоотношения в Древней Руси, сформировав собственное русское каноническое право, что проявлялось в специфики русской церкви и ее отличий от греческой в своем понимании гражданского общества и государственности, закладывая основания для дальнейшего самобытного общественного развития. В целом же восприятие Русью христианства означало рецепцию новой – византийской идеи права, которая коренным образом запустила процесс модернизации всех аспектов жизни государства и общества – политический, правовой, духовный, культурный и т. п.

В заключение параграфа необходимо отметить, что сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древнерусского государства в аспекте правового положения мужчин характеризуется длительной эволюцией канонического права в русле патриархальной традиции мужского доминирования в общественной и политической жизни. В другой стороны церковное право Древней Руси сформировалось в крайне короткий период в рамках внедрения новых христианских правил на базе

языческого патриархального правосознания. В этой связи правовой статус мужчин в Древнерусском государстве обладал существенной амбивалентностью, так как новые христианские нормы предусматривали большее равенство мужчин и женщин в общественных, семейных и политических отношениях. Характер церковного протекционизма в отношении женской гендерной группы стал преобладающим направлением становления новой регулятивной парадигмы в Древней Руси. Тем не менее вести речь о полноправии мужчин и женщин в древнерусской семье нельзя, по причине того, что мужчина имел право на применение бытового насилия в отношении своей супруги, параллельно обладая некоторыми имущественными должностованиеми в аспекте субъективных прав домочадцев.

2.2. Специфика правового статуса мужчин в Древнерусском государстве

Анализируя правовое положение мужчин в Древней Руси в IX–XI вв. стоит отметить, что на объем прав и обязанностей мужской гендерной группы существенным образом повлияли следующие обстоятельства: формирование государственных структур; зарождение феодальных институтов; христианизация страны. Первоначально, государство в лице князя опиралось на правовое регулирование, основанное на нормах обычного права, не меняя кардинально объем прав и обязанностей мужчин. Традиционализм в сфере социальных связей на Руси IX–XI вв. выступал непоколебимой основой построения крепкой государственности, в которой так нуждалась публичная власть.

Правовое регулирование, базирующееся на консервативной идее в аспекте изменения статусов гендерных групп, выступало также и стабилизирующим механизмом в древнерусском обществе. Мало того, если и наблюдалось некоторое колебание в сфере правового статуса мужчин, то оно было вызвано сугубо интересом правящих классов, а не заботой соблюдения прав человека. Обычное право крестьянских общин просуществовало преимущественно без изменений вплоть до середины XIX столетия.

Ведя речь о факторе христианизации и его влиянии на трансформацию правового статуса мужчин можно отметить, что именно христианская церковь существенно урезала объем мужских прав в сфере брачно-семейного уклада. Параллельно христианский культ безапелляционно нормировал второстепенность женщины в семье и безоговорочное доминирование мужчины в брачно-семейных отношениях. Однако аспект привития уважения и почитания женщины вывел ее с позиций объекта вещного права, поставив в ряд субъектов семейных правоотношений. Также христианская религия предусматривала почитание «Богоматери», что сыграло

важную роль в запрете на произвол мужчины во взаимоотношениях со своей супругой.

Кроме особенностей религиозного христианского культа, определенные правила христианского поведения резко осуждали мужчин, ведущих разгульный образ жизни, плохо заботящихся о своей семье, а также уличенных в промискуитете. С введением христианства в Древней Руси вводились серьезные рамки мужского поведенческого паттерна, которые определяли статус мужчины как главы семьи через призму обязанности материально содержать свою супругу и оказывать ей морально-нравственные знаки внимания. Мало того, насилие мужа над женой резко осуждалось церковью, даже когда мужчина наносил побои своей супруге на территории своего домовладения. В этом аспекте можно увидеть серьезную трансформацию мужского права в аспекте императивности во взаимоотношениях со своими домочадцами, которыми мужчина как глава семьи в языческий периодправлял на основе ярко выраженного произвола и отсутствия правовых и моральных ограничений. Кроме того, под влиянием христианской церкви светское законодательство ввело суровые санкции за изнасилование женщин.

Правовой статус мужчин в сфере института многоженства с введением христианства также был существенно поколеблен. Церковь раскритиковала и практику содержания наложниц, которых держали у себя состоятельные домовладыки из имущих социальных слоев. Если учесть, что даже «креститель Руси» князь Владимир обладал огромным «гаремом», в котором насчитывалось пять жен и восемьсот наложниц, то трансформация правового положения мужчин в Древней Руси была осуществлена кардинально. Церковный запрет официального и неофициального промискуитета затронул и права несовершеннолетних. Так, появление института незаконнорожденных детей во многом осложнило сферу социальных взаимоотношений, табуировав ряд привычных поведенческих актов в мужской среде.

В целом можно констатировать факт серьезного влияния христианской церкви на правовой статус мужчин через аспект запрета произвола в отношении членов семьи, серьезного урона идеи «отцовского» права и введения нового спектра обязанностей в отношении супруги. С другой стороны, сам факт нормирования церковью семейного быта определил женщине подчиненное положение, параллельно смягчив жесткую дохристианскую парадигму правового регулирования в отношении женской гендерной группы. Резкой критике со стороны государства и церкви подвергались и пережитки языческих традиций, связанные с многоженством, похищением невесты, а также умерщвлением молодых девушек в ритуальных целях.

Огромное влияние на смену парадигмы развития правового положения мужчин в Древней Руси оказали тесные сношения Руси с Византией.

Стабильная поэтапная рецепция римского права и имплементация передового на тот момент правового регулирования коренным образом изменили взгляд правоприменителя на статус мужчины как главы семьи и подданного. Нормативный инструментарий, основанный на принципах римского права, осуществил масштабное вторжение в те сферы социальных связей, которые ранее ускользали от внимания государства, а идея доминирования обязанностей субъекта над его правами существенно урезала диспозитивные моменты правового статуса мужской гендерной группы во многих сферах общественной жизни. В связи с этим мужчина как глава семьи, поданный и защитник государства наделялся существенным должностеванием, на фоне которого обычный для указанного периода юридический перекос в сторону увеличения прав мужчин терял свою привлекательность.

Процессуальное законодательство Древней Руси указанного периода также демонстрирует, что мужская гендерная группа намного чаще выступает в роли активного субъекта судебного процесса, что показывает высокую степень наложенной на мужчин ответственности, которая также соответствует духу эпохи, когда правовое регулирование основывалось на физиологических характеристиках субъекта правоотношений.

Правовое регулирование в Древней Руси IX–XI веков характеризуется признанием принципа равных компенсационных принципов в сфере преступных посягательств в аспекте гендерных групп. В частности, ст. 12 Русской Правды гласит: «А за ремественика и за ремественицу, то 12 гривен», закрепляя принцип гендерного равенства в сфере юридической ответственности. Тем не менее из указанного правила можно вычленить и исключения, которые затрагивали привилегированность женщины в аспекте юридической ответственности, так как в некоторых случаях Русская Правда охраняла право женщины на жизнь существенней, чем жизнь мужчины. В частности, за убитого свободного землепашца мужчину или мужчину из категории зависимого населения предполагался штраф в пять гривен. В то же время за убитую женщину из социальной категории зависимого населения штраф составлял шесть гривен, а если убитая женщина была рабой-кормилицей, то штраф увеличивался вдвое (ст. ст. 25–27 Краткой редакции Русской Правды по академическому списку).

Можно предположить, что в указанный период в Древней Руси истоком всех трансформаций правового положения гендерных групп выступал интерес публичной власти в лице князя, в том числе дрейф диспозитивности правового статуса мужчин в сферу императивности их поведения, а также нормативного внедрения имущественной дискриминации для женской гендерной группы. Так, в ст. 90 Русской Правды отражается следующее: «Аже смердь умреть, то задницу князю; аже будуть дщери у него дома, то даяти часть на не; аже будуть за мужем, то не даяти части им». Все это нормирует ситуацию, при которой в случае смерти домохозяина, не имеющего сыновей, его земельный участок становится собственностью

князя, при том, что дочери умершего наследуют лишь часть наследства, да и то лишь в случае, если они были не замужем. В то же время ст. 91 Русской Правды нормирует следующее положение: «Аже в боярехъ любо в дружине, то за князя задница не вдеть, но оже не будетъ сыновъ, а дчери возмуть», закрепляя право дочерей знатного человека наследовать имущество умершего отца без всяких ограничений.

Все эти противоречивые моменты в правовом регулировании Древней Руси исследуемого периода можно объяснить особым статусом крестьянской общины и обязанностями домохозяйств в ней состоящих. Мало того, обязанным субъектом в сложных взаимоотношениях крестьянской общины и государства мог выступать исключительно мужчина, как и наследовать земельные наделы. В семьях же знатных подданных подобной связи между имущественными правами и обязанностями перед государством не существовало, в связи с чем отсутствовала и имущественная дискриминация по гендерному признаку.

В целях хронологической детерминации существования Древнерусского государства можно исходить из того, что его периодизация находится в рамках IX–XII вв. Параллельно, началом формирования древнерусского брачно-семейного права будет уместно полагать этап масштабной имплементации традиций и обычаев, применявшимся в аспекте регулирования отношений в сфере семьи и брака. Примечательно, что регулирование указанных социальных связей во многом находилось под влиянием дохристианского уклада общественных отношений в Древней Руси. Мало того, «языческая» регуляция успешно транслировала свои специфические свойства в брачно-семейное право Киевской Руси, оказав существенное влияние на правовое положение мужской гендерной группы. Формы и процедуры заключения дохристианских браков в древнерусском социуме способны продемонстрировать эволюцию брачно-семейного положения мужчин, как ключевых субъектов правоотношений, существовавших в исследуемый период.

Характерно, что в период доминирования обычного права и преимущественно партикулярного регулирования общественных отношений, у мужчин древнерусского социума наличествовало несколько способов приобретения супруги: посредством похищения, с помощью договора купли-продажи и через вхождение в договорной брак.

Стоит отметить, что большая часть обрядовых элементов, сопровождавших процедуру бракосочетания, к IX столетию уже утратила свой сакральный смысл, перейдя в плоскость фольклорного традиционализма. Однако даже утверждение христианства не помешало пролонгировать дохристианскую обрядовую составляющую в брачно-семейной сфере.

Если принимать во внимание свидетельства Нестора, то можно впасть в заблуждение по поводу фиксации христианским историком отсутствия брачных уз у славян как социального феномена. Однако вдумчивому

исследователю сложно согласиться с таким посылом, учитывая непреодолимый антагонизм языческих и христианских верований, а, следовательно, и некой тенденциозности Нестора по исследуемой проблематике. Стоит учитывать и то, что с христианской точки зрения утилитарность языческой брачно-семейной традиции граничила с полным отрицанием самого юридического факта существования брачно-семейных отношений. В то же время, если учитывать мнение К. А. Неволина, можно прийти к выводу о качественно-институциональной преемственности древнерусского брачно-семейного нормативного материала нормам церковного и светского законодательства Византии. В частности, именно византийское законодательство повлияло на объем прав мужчины в сфере распоряжения жизнью и здоровьем супруги. С другой стороны, масштабное влияние византийского законодательства на древнерусское брачно-семейное право, в сфере взаимоотношений, связанных с детьми, не наблюдается. Здесь указанный автор утверждает о существовании в древнерусском социуме принципа равной власти супругов над своим потомством, которую впоследствии церковь существенно ограничила в аспекте распоряжения их жизнью и имуществом. В той же степени спорными выступают положения К. А. Неволина по вопросу рецепции византийского права древнерусским правовым регулированием, в которой положительно воспринимается мнение историка о специфической национальной особенности русского принципа раздельности имущества супружеского.

Если вести речь о доминантных брачно-семейных традициях дохристианской Руси, то М. Ф. Владимирский-Буданов отдает пальму первенства похищению невесты. Указанная форма заключения брака, как указывает ученый, инициировала трансформацию родовых конфликтов в институт выплаты похитителем вознаграждения родственникам похищенной, тем самым спровоцировав эволюцию указанного способа в формальную продажу невесты. Существование указанного способа заключения брака в древнерусском социуме подтверждает и фольклорная составляющая народа, где жених представлен в образе купца, а невеста выступает в качестве товара. Кроме того, историк обосновывает алгоритм эволюции вещных отношений между супружами, которые коррелируются с тремя формами брака. Первая форма брака – похищение невесты была сопряжена с полным правом мужчины распоряжаться имуществом супруги. Вторая форма – приведение невесты – соответствовала принципу равных прав супружеского имущества, а также индивидуальных прав женщины на личные вещи. Третья форма – договорная, по мнению историка, получила распространение уже в христианский период и констатировала формирование принципа раздельности имущества супружеского.

Не составит труда отметить эволюцию правового статуса мужчин в сфере брачно-семейных отношений в направлении сужения объема личных прав на семейное имущество и влияние христианства на правовой

статус женщины в сторону его улучшения. Примечательно то, что историк отвергает тезис о бытовавшей в дохристианский период полной власти мужа над женой, признавая лишь некоторую зависимость женщины от супруга. В аспекте же родительских прав М. Ф. Владимирский-Буданов стоит на позициях существования пожизненной родительской власти над детьми.

В вопросе такой формы брака, как покупка невесты, принято полагать, что ее формированию способствовал развитый институт многоженства, который провоцировал нехватку невест внутри древнерусской общины. В этой связи стоит отметить, что объем правомочий мужчины в сфере брачно-семейных отношений был максимальным именно при покупке невесты.

В свою очередь, А. А. Савельев отвергал идею существования в дохристианский период договорной формы брака, признавая лишь похищение и покупку невесты, параллельно присоединяясь к мнению К. А. Неволина о специфике древнерусских брачно-семейных отношений в аспекте существования принципа раздельности имущества супругов.

В русле исследуемой проблемы интересен взгляд Д. Я. Самоквасова на проблематику способов заключения брака в дохристианской Руси. Ученый к трем озвученным способам присовокупляет еще и такую форму брака, как пленение невесты. Ученый полагает, что правовое положение женщины в договорном браке было существенно выше, так как институт приданого, который и выступал стержнем брачного договора, давал ей возможность свободно осуществлять свое право собственности над личным имуществом, параллельно с правом расторгнуть брак по своему желанию. Иными словами, именно договорной брак инициировал принцип равноправия брачно-семейных статусов мужчины и женщины, делая невозможным со стороны мужчины выходить за рамки правового поля во взаимоотношениях с супругой и, следовательно, со своим потомством от указанной женщины.

В аспекте гендерной спецификации в Древней Руси небезынтересен и институт кровной мести. Так, кровная месть в Древнерусском государстве, как социально-правовой феномен, имела место в такой общественно-политической ситуации, когда государственный механизм еще не получил полноценного развития, а публичная власть была не способна обеспечить должное состояние правопорядка и общественной безопасности. Иными словами, кровная месть имела нормативное закрепление в тот период, когда государство еще не обладало монопольным правом применять агрессивное насилие. Такая ситуация обычно наблюдается в процессе зарождения государственности, либо на современном этапе в тех странах, которые в правовом регулировании отражают идею традиционализма в сфере государственного управления. Стоит отметить, что правовые системы,

в которых кровная месть допускается нельзя считать передовыми и демократическими.

Внешне обычай кровной мести мог выражаться, к примеру, в обязанности кровных родственников убитого отомстить за смерть близкого человека, либо осуществить месть за менее тяжкие преступления, такие как причинение вреда здоровью или кража невесты. Часто обязанность осуществить кару падала не только на биологических родственников потерпевшего, но и на весь его клан, тейп, род или общину. Примечательно, что сам по себе институт кровной мести был известен уже в период родоплеменных отношений и был достаточно эффективным социальным регулятором, который можно назвать одним из древнейших социальных институтов.

Кровная месть в древнерусском правовом регулировании обладала институциональной сущностью коррелирующейся с принципом талиона, который был лапидарно сформулирован в ветхозаветной религиозной традиции: «око за око, зуб за зуб». Мало того, характерными свойствами кровной мести в Древней Руси, как правовосстановительного и правоприменительного механизма, выступали, во-первых, императивный характер обязательств семьи потерпевшего осуществить месть и, во-вторых, распространение кары за совершенное деяние на всех родственников преступника и даже близких ему людей. Иными словами, нести ответственность за преступное деяние мог не только сам преступник, но весь круг его кровных родственников и даже соседей.

В древнерусском социуме институт кровной мести впервые юридически зафиксирован в русско-византийском соглашении 912 г., где были достаточно конкретно отражены основные принципы его реализации, предусматривающие как личную, так и имущественную ответственность преступника. Примечательно, что принцип материальной ответственности предусматривал и обеспечение вещных прав для супруги преступника, которая сохраняла свои права на выделенную по закону долю семейного имущества.

Обычаи славян, трансформировавшись в текст Русской Правды, также предусматривали институт кровной мести. Так, в ст. 1 Пространной редакции Русской Правды нормировалась кровная месть, которая транслировала на сына обязанность отомстить за смерть отца, а за гибель брата обязанность осуществления мести на брата и т.д. Причем указанная норма однозначно распространяла обязанность осуществления кровной мести на мужскую гендерную группу, не упоминая женщин ни в статусе субъектов преступления, ни в качестве лиц, обязанных мстить. Параллельно с дополнением осуществления кровной мести фигурировала и возможность получить денежную сatisфакцию потерпевшим или его родственниками. Такая внешняя диспозитивность и возможность выбора способа правовосстановления в рамках института кровной мести была реализована

лишь в тех случаях, когда государственные органы могли указанный процесс санкционировать, а в Древней Руси такое происходило не всегда в связи с примитивностью государственных структур периода существования Древнерусского государства.

В свою очередь М. М. Михайлов утверждает, что трансформация кровной мести из утилитарного обычая в правовую норму императивного характера проистекает из факта ее закрепления в Русской Правде. В этой связи стоит отметить, что кровную месть, необходимо отнести к разряду нормативного долженствования, адресованного мужской гендерной группе. Так, если в период бытийности института кровной мести в нормах обычного права мы видим ярко выраженную карательную направленность в виде морально-нравственной санкции для лица, не выполнившего обязанность отомстить обидчику своего рода, то во времена законодательной фиксации кровной мести можно констатировать государственное нормирование указанной обязанности.

Стоит отметить, что ни один из исследователей не рассматривал проблематику института кровность мести через призму обязанностей, которыми обременялась мужская гендерная группа. Но именно такая дискриминационная составляющая правовых норм, связанных с регламентацией кровной мести, ярко демонстрирует то, что патриархальный уклад социальных связей древнерусского общества, наделяя мужскую гендерную группу спектром прав, существенным образом обременял правовое положение мужчин различного рода долженствованиями. В результате мужская гендерная группа испытывала не только различные тяготы, но и обязанности, выполнение которых было сопряжено с рисками опасными для жизни и здоровья.

Несомненно, период зарождения древнерусской государственности наиболее ярко демонстрирует физиологическую направленность правового регулирования в Древней Руси, которая зиждалась на биологических свойствах субъекта правоотношений. Вся характеристика правового положения субъектов древнерусского общества, а также спектр их прав и обязанностей в древнейшие периоды развития русского права были поставлены в зависимость от качеств человеческого организма, его мускульной силы, половой принадлежности, психологических характеристик личности и т. п. Мало того, анализ древнейших памятников русского права демонстрирует тенденцию законодателя дискриминировать женщин, однако даже в этом аспекте можно усмотреть признаки положительной дискриминации, когда женщина, не обладая правами, не несла и бремени сопряженных с ними обязанностей.

В заключение параграфа стоит признать, что анализ древнерусского нормативного материала демонстрирует в IX–XI вв. тенденцию выравнивания правового статуса гендерных групп и увеличение объема мужских обязанностей, инициированных внедрением христианского культа

и укреплением государственности. Вместе с тем можно отметить сущностно-институциональную зависимость объема прав мужчины дохристианской Руси в случае заключения брака, сопряженного с похищением, либо покупкой невесты. Договорная же форма брака существенно ограничивала объем мужских прав в сфере брачно-семейных отношений, но именно она получила сильнейший импульс в Древнерусском государстве после укоренения христианства. Кроме того, институт кровной мести в Древней Руси, можно рассматривать не только как правовостановительный и правоприменительный инструмент, функционирующий в период зарождения древнерусской государственности, когда публичная власть не обладала полной монополией на применение агрессивного насилия, но и как императивную обязанность мужской гендерной группы древнерусского социума нести на себе бремя правоприменителя, которое нередко было сопряжено с опасностями для жизни и здоровья. Кроме того, можно отметить положительную динамику в появлении диспозитивных принципов в реализации института кровной мести после нормативной фиксации указанной нормы в Русской Правде.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключении учебного пособия, посвященного особенностям содержания правового статуса мужчин в древнерусском праве, необходимо сделать ряд выводов и обобщений.

1. Переосмысление дохристианских знаний, а также новой христианской традиции сказалось на массовом правосознании древнерусского социума, который стал рассматривать нового христианского Бога в образе вселенской правды. Все это привело к появлению специфической разновидности христианского учения – русского православия, которое в конечном итоге стало ядром менталитета государственно-образующего народа Российской государства. В аспекте гендерных спецификаций такая тенденция повлияла на статус женской и мужской групп, когда восточная традиция была смешана с европейской, сохранив определенный паритет правового статуса гендерных групп, с некоторым преобладанием мужчин в семье и обществе, с параллельной консервацией феномена уважения к женщине и допустимости ее участия в политической жизни и общественных делах.

2. Правовые основы социокультурной среды Древней Руси через призму правового положения гендерных групп попадали в зависимость от ряда направлений, которые регламентировали брачно-семейные связи, вопросы военной службы и религиозный контекст жизнедеятельности социума. Важным здесь выступает то, что в Древнерусском государстве существенную поддержку от церкви и государства получила малая семья, которая в отличии от семьи большой предполагала широкую реализацию принципа гендерного равенства супругов, а также ряд дополнительных со стороны главы домохозяйства по имущественному обеспечению представителей женской гендерной группы.

3. Сравнительный анализ вселенского канонического права и церковного права Древнерусского государства в аспекте правового положения мужчин характеризуется длительной эволюцией канонического права в русле патриархальной традиции мужского доминирования в общественной и политической жизни. В другой стороны церковное право Древней Руси сформировалось в крайне короткий период в рамках внедрения новых христианских правил на базе языческого патриархального правосознания. В этой связи правовой статус мужчин в Древнерусском государстве обладал

существенной амбивалентностью, так как новые христианские нормы предусматривали большее равенство мужчин и женщин в общественных, семейных и политических отношениях. Характер церковного протекционизма в отношении женской гендерной группы стал преобладающим направлением становления новой регулятивной парадигмы в Древней Руси. Тем не менее вести речь о полноправии мужчин и женщин в древнерусской семье нельзя, по причине того, что мужчина имел право на применение бытового насилия в отношении своей супруги, параллельно обладая некоторыми имущественными долженствованиями в аспекте субъективных прав домочадцев.

4. Анализ древнерусского нормативного материала демонстрирует в IX–XI вв. тенденцию выравнивания правового статуса гендерных групп и увеличение объема обязанностей мужчин, инициированных внедрением христианского культа и укреплением государственности. Вместе с тем можно отметить существенно-институциональную зависимость объема прав мужчины дохристианской Руси в случае заключения брака, сопряженного с похищением, либо покупкой невесты. Договорная же форма брака существенно ограничивала объем мужских прав в сфере брачно-семейных отношений, но именно она получила сильнейший импульс в Древнерусском государстве после укоренения христианства. Кроме того, институт кровной мести в Древней Руси, можно рассматривать не только как правостановительный и правоприменительный инструмент, функционирующий в период зарождения древнерусской государственности, когда публичная власть не обладала полной монополией на применение агрессивного насилия, но и как императивную обязанность мужской гендерной группы древнерусского социума нести на себе бремя правоприменителя, которое нередко было сопряжено с опасностями для жизни и здоровья. Кроме того, можно отметить положительную динамику в появлении диспозитивных принципов в реализации института кровной мести после нормативной фиксации указанной нормы в Русской Правде.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Учебники, учебные пособия и лекции

1. Андреев, И. Л. История России с древнейших времен до 1861 года : учебник для бакалавров / Н. И. Павленко, И. Л. Андреев, В. А. Федоров. – М.: Юрайт, 2012. – 712 с.
2. Андреев, Ю. В. История Древней Греции : учебник / Ю. В. Андреев, Г. А. Кошеленко, В. И. Кузищин, Л. П. Маринович. – М.: Высшая школа, 2005. – 399 с.
3. Артемов, В. В. История Отечества: С древнейших времен до наших дней: учебник / В. В. Артемов. – М.: Academia, 2018. – 592 с.
4. Вовина-Лебедева В. Г. История Древней Руси: учебник / В. Г. Вовина-Лебедева. – М.: Academia, 2019. – 224 с.
5. Волков В.А. История России с древнейших времен до конца XVII века : учебник и практикум для академического бакалавриата / В.А. Волков. – Люберцы: Юрайт, 2016. – 452 с.
6. Данилов А.А. История России с древнейших времен до наших дней в вопросах и ответах / А.А. Данилов. – М.: Проспект, 2016. – 320 с.
7. Дворниченко А. Русская история с древнейших времен до наших дней: Учебник / А. Дворниченко, Ю. Кривошеев и др. – СПб.: Лань, 2006. – 448 с.
8. Диевский В.А. История древней русской литературы / В.А. Диевский. – СПб.: Лань, 2002. – 544 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории: в 5-и ч. – СПб., 1904–1922. – 1146 с.
10. Кузищин В.И. История Древней Греции: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В.И. Кузищин, Т.Б. Гвоздева, В.М. Строгецкий, А.В. Стрелков. – М.: ИЦ Академия, 2011. – 480 с.
11. Мещерский Н.А. Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX-XV вв.: Учебное пособие. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1978. – 130 с.
12. Менделеева Д.С. История литературы Древней Руси / Д.С. Менделеева. – М.: Academia, 2014. – 416 с.
13. Меркаданте С. История русской музыки: От Древней Руси до Серебряного века: Учебник / С. Меркаданте. – СПб.: Планета Музыки, 2015. – 480 с.
14. Мещеряков А.Н. История древней Японии: Учебное пособие для вузов / А.Н. Мещеряков, М.В. Грачев. – М.: Наталис, 2013. – 544 с.
15. Мэйн Г. Древнейшая история учреждений: Лекции. Пер. с англ. / Г. Мэйн. – М.: Красанд, 2011. – 320 с.
16. История государства российского: хрестоматия: X–XIV вв. – М.: Книжная палата, 1996. – 383 с.

17. История государства и права России: Киевская и Удельная Русь (IX-XV вв.): хрестоматия / А.Н. Волчанская и др.; под ред. А.М. Багмета. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 215 с.
18. Павленко, Н.И. История России с древнейших времен до 1861 г. (с картами): Учебник для бакалавров / Н.И. Павленко, И.Л. Андреев, В.А. Федоров. – Люберцы: Юрайт, 2015. – 712 с.
19. Родионов М.В. ВПС: История древней Греции и древнего Рима: курс лекций / М.В. Родионов. – М.: А-Приор, 2006. – 224 с.
20. Рыбаков С.В. История России с древнейших времен до конца XVII века: курс лекций / С.В. Рыбаков. – М.: Флинта, 2016. – 192 с.
21. Рыбников В.В. Отечественная история. От древней Руси до XXI века / В.В. Рыбников, Г.М. Ипполитов. – М.: Щит-М, 2012. – 592 с.
22. Самоквасов Д.Я. Курс истории русского права / Д.Я. Самоквасов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: тип. Моск. ун-та, 1908. – VII, XXIX. – 616 с.
23. Самоквасов Д.Я. Древнее русское право. Лекции 1902—1903 академического года / Д.Я. Самоквасов. – М.: Университетская типография, 1903. – 378 с.
24. Соловьев Е.А. История древней и средневековой России (IX-XVII): Учебное пособие / Е.А. Соловьев, В.В. Блохин. – М.: РУДН, 2013. – 176 с.
25. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) / Составитель доктор юридических наук, профессор В.А. Томсинов. – М.: Издательство «Зерцало», 2000. – 318 с.

Энциклопедии, справочники и словари

26. Бегунов Ю.К. История Руси. С древнейших времен до Олега Вещего: энциклопедия / Ю.К. Бегунов. – М.: Радио и связь, 2007. – 604 с.
27. Бычков А.А. Энциклопедия языческих Богов (мифы древних славян). – М.: Вече, 2000. – 400 с.
28. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. – М.: Гуманистический изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 416 с.
29. Свод этнографических понятий и терминов. Выпуск 1. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. – М.: Наука, 1986. – 240 с.
30. Словарь иностранных слов: с грамматическими формами, синонимами, примерами употребления / И.А. Васюкова; Под ред. И.К. Сазоновой. – М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. – 632 с.
31. Семенова М. Мы – славяне!: популярная энциклопедия / Семенова М. – СПб.: Азбука-классика, 2005. – 560 с.

Монографии и книги

32. Аверкиева Ю. П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. – М.: Наука, 1961. – 271 с.
33. Акимов В.В. Библейская Книга Екклезиаста и литературные памятники Древнего Египта. – Минск: Ковчег, 2012. – 454 с.
34. Алаев Л.Б. История Востока с древнейших времен до начала XX века / Л.Б. Алаев. – М.: Ленанд, 2019. – 368 с.
35. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. – 386 с.
36. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. / Сост. С.Д. Бабишин, Б.Н. Митюров. – М.: Педагогика, 1985. – 363 с.
37. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 2. Европа V-XVII вв. – М.: Мысль, 1999. – 829 с.
38. Астафьевая Л.А. Сюжет и стиль русских былин. – М.: Наследие: Наука, 1993. – 255 с.
39. Баглай В.Е. Традиционные общества Древней Западной Мексики: история, археология, этнография тарасков: Монография / В.Е. Баглай. – СПб.: Планета Музыки, 2017. – 616 с.
40. Баранкова Г.С., Мильков В.В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского / Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. II. — СПб.: «Алетейя», 2001. – 972 с.
41. Беляев В.А. Методологическое пространство европейской философии: Между первым и вторым просвещениями. (С критическим анализом выдающегося труда В. Виндельбанда «История древней философии») / В.А. Беляев. – М.: Ленанд, 2019. – 480 с.
42. Бердяев Н.А. Русский соблазн // Философия творчества, культуры и искусства: в 2. т. Т. 2. – М.: Искусство, 1994. – 510 с.
43. Бодрийяр Ж.К критике политической экономии знака / Ж. Бодрийяр; пер. с фр. Д. Кралечкина. – М.: Библион-Русская книга, 1994. – 304 с.
44. Ботtero Ж. Ранние цивилизации Ближнего востока. История возникновения и развития древнейших государств на земле / Ж. Ботtero, О.Э. Дитц. – М.: Центрполиграф, 2016. – 400 с.
45. Бромлей Ю.В. История первобытного общества. Эпоха классообразования. Том 3. – М.: Наука, 1988. – 568 с.
46. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М.: Территория будущего, 2005. – 800 с.
47. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Киев: Издание книжного магазина Н.Я. Оглоблина, 1915. – 699 с.
48. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и прото-

культуры: В 2 частях. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Ч.2. – 1426 с.

49. Гарднер К. Между Востоком и Западом. Возвращение даров русской души / К. Гарднер. – М.: Наука, 1993. – 128 с.
50. Гибbon Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. Т I. – 2-е изд. стер. – СПб: Наука, 2006. – 428 с.
51. Греков Б.Д. Киевская Русь. — М.: Госполитиздат, 1953. — 568 с.
52. Гумилев Л.Н. От Руси до России. Очерки этнической истории. – М.: Пальмира, 2017. – 381 с.
53. Домострой / авт. предисл. В. Колесов. – М.: Советская Россия, 1990. — 304 с.
54. Законодательство Древней Руси / ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В.Л. Янин. В 9 т. Т. 1. – М.: Юридическая литература, 1984. — 430 с.
55. Зибер Н.И. Избранные экономические произведения в двух томах. Т. II. – М.: Наука, 1959. – 696 с.
56. Ильин И.А. Немецкий идеализм. История этических учений. История древней философии / И.А. Ильин. – М.: ПСТГУ, 2015. – 656 с.
57. Ингрэм Д. История рабства от древнейших до новых времен / Д. Ингрэм. – М.: КД ЛиброКом, 2014. – 344 с.
58. Карамзин Н.М. История Государства Российского. От Древней Руси до правления великого князя Дмитрия Донского/ Н.М. Карамзин. – М.: АСТ, 2010. – 672 с.
59. Кайдаш С.Н. Сила слабых. Женщины в истории России (XI–XIX вв.). – М.: Совет. Россия, 1989. – 288 с.
60. Кинси З. История борделей с древнейших времен / З. Кинси. – М.: Центрполиграф, 2013. – 383 с.
61. Киселева Т.Г. Женский образ в социокультурной рефлексии: монография. – М.: МГУКИ, 2002. – 231 с.
62. Ключевский В.О. Сочинения: в 8 т. Т. 1: Курс русской истории, ч. 1 / В.О. Ключевский. — М.: Госполитиздат, 1956. — 425 с.
63. Князькин И.О. Император Диоклетиан и закат Античного мира. – СПб.: Алетейя, 2010. – 143 с.
64. Кули Ч. Первичные группы // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренькова. – М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. – 560 с.
65. Курс церковного права заслуженного профессора императорского Московского университета А.С. Павлова, читанный в 1900-1902 гг. – СПб.: Лань, 2002. – 384 с.
66. Лазор Л.И. Каноническое право / Л.И. Лазор, В.В. Лазор, И.И. Шамшина. – Луганск: Виртуальная реальность, 2010. – 568 с.
67. Левкиевская Е.Е. Мифы русского народа. — М.: АСТ, 2010. — 528 с.
68. Леви-Строс К. Структурная антропология / Пер. с фр. В. В. Иванова. — М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. — 512 с.

69. Лихачева Е. Материалы для истории женского образования в России (1786–1796): в 3 т. Т. 1. – СПб., 1890. – 184 с.
70. Лубченков Ю.Н. Древняя Русь: с древнейших времен до 1462 года / Лубченков Ю.Н., Клокова Г.В. – М.: Рипол-Классик, 1998. – 400 с.
71. Ляпин Д.А. Путешествия в прошлое: очерки этнографии Верхнего Подонья. – Кемерово: Азия-Принт, 2014. – 144 с.
72. Мавродин В.В. Древняя Русь. – М.: Госполитиздат, 1946. – 332 с.
73. Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. – Л.: Издво ЛГУ, 1945. – 432 с.
74. Малиновский И.А. Кровная месть и смертные казни. – Томск: Типолитогр. Сиб. т-ва печати, 1908. – 220 с.
75. Мальцев Г.В. Месть и возмездие в древнем праве. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 736 с.
76. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). – Л.: Наука, 1976. – 192 с.
77. Михайлов М.М. История русского права. – СПб.: Тип. Департамента уделов, 1871. – 182 с.
78. Морган Л. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. – Л.: Издательство института народов Севера ЦИК СССР, 1935. – 368 с.
79. Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / М. Мосс; Сост., пер. с фр., предисловие, вступит, статья, комментарии А. Б. Гофмана. – М.: КДУ, 2011. – 416 с.
80. Нидерле Л. Славянские древности / Перевод с чешского Т. Ковалевой и М. Хазанова. – М.: Издательство иностранной литературы, 1956. – 452 с.
81. О России и русской философской культуре: Философы послеоктябрьского зарубежья / Составитель М.И. Маслин. – М.: Наука, 1990. – 528 с.
82. Омельянчук С.В. Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков. – Владимир: Изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. – 118 с.
83. Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X / сост., предисл., коммент. А. Г. Кузьмина. – М.: Молодая гвардия, 1986. – (История Отечества в романах, повестях, документах). Кн. 1. – 701 с.
84. Памятники русского права: Памятники права Киевского государства, X–XII вв. Вып. 1 / Сост.: А. А. Зимин; Под ред.: С. В. Юшков. – М.: Госюриздан, 1952. – 287 с.
85. Пирцио-Бироли Д. Культурная антропология Тропической Африки. – М.: Издательская фирма Восточная литература РАН, 2001. – 335 с.
86. Повесть временных лет / Подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. Ч. 1-2. – 1-е изд. Часть 1. Текст и перевод. – М.: Изд-во и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1950. – 407 с.
87. Повесть временных лет. Части 1–2. / Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1950. – 404 с.

88. Повесть временных лет. По Лаврентьевскому списку. Ч. 1 / под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 564 с.
89. Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. – М.: Мысль, 1989. – 286 с.
90. Разумов И. Семья в Древней Руси. О семейных отношениях у восточных славян и русов VIII – 1-й половины XIII в. – 2016. – 140 с.
91. Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов / А. Рейц. – М.: Унив. тип., 1836. – 414 с.
92. Правда Русская. В 2 т. Т. 1. Тексты. – М.: Изд-во АН СССР, 1940. – 506 с.
93. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 607 с.
94. Рыбаков Б.А. Рождение Руси. – М.: «АиФ Принт», 2003. – 447 с.
95. Савельев А.А. Юридические отношения между супружами по законам и обычаям великорусского народа / А. Савельев. – Новгород: Типография Н. Ройского и Д. Душина, 1881. – 94 с.
96. Соловьёв С.М. История России с древнейших времён: в 29 т. – СПб.: Изд. Товарищество «Общественная польза», 1851–1879. – Т. 7. – 875 с.
97. Солоневич И.Л. Народная монархия. – М.: Эксмо, 2003. – 608 с.
98. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. – М.: Облиздат, 1998. – 672 с.
99. Феминизм: Восток. Запад. Россия. – М.: Наука, 1993. – 243 с.
100. Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси / И. Я. Фроянов; отв. ред. В. В. Пузанов. – 2-е изд. – Ижевск: Удмурт. ун-т, 2003. – 273 с.
101. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 512 с.
102. Фреймарк Г. Оккультизм и сексуальность. – М.: ТОО «Константа», 1994. – 156 с.
103. Человек в кругу семьи: Очерки по истории частной жизни в Европе до начала нового времени / Под ред. Ю.Л. Бессмертного. – М.: Изд-во РГГУ, 1996. – 376 с.
104. Эверс И.Ф.Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / соч. И. Ф. Г. Эверса ; пер. с нем. Иван Платонов – СПб.: Типография Штаба отдельного Корпуса Внутренней Стражи, 1835. – 422 с. URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003542130?page=2&rotate=0&theme=white/> (дата обращения 20.07.2022).
105. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Под ред. Е. Фрей. – М.: АСТ, 2019. – 288 с.

Учебное издание

Грошев Сергей Николаевич

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
МУЖСКОЙ ГЕНДЕРНОЙ ГРУППЫ
В ПРАВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ**

Учебное пособие

Редактор Н.А. Платонова

Подписано в печать 12.09.2022.

Усл. печ. л. 4,0

Тираж 20 экз.

Формат 60 x 84/16

Заказ № 69.

Восточно-Сибирский институт МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Отпечатано в НИиРИО Восточно-Сибирского института МВД России,
г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.